

На правах рукописи

НЕКУШОЕВА Шахло Саиднуриддиновна

**КОНЦЕПТ ДОМ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КАРТИНЕ
МИРА И ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
НОСИТЕЛЕЙ ШУГНАНО–РУШАНСКОЙ ГРУППЫ
ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ**

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени доктора филологических наук

Специальность: **5.9.6 – Языки народов зарубежных стран**
(языки народов Европы, Азии, Африки, Австралии, Америки)
(филологические науки)

Душанбе – 2026

Работа выполнена в отделе памирских языков Института гуманитарных наук им. академика
Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана

Научный консультант:

Рахилина Екатерина Владимировна –
доктор филологических наук, профессор,
руководитель Школы лингвистики,
профессор факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики».

Официальные оппоненты:

1. Шамбезода Хусрав Джамшедович –
доктор филологических наук, профессор
кафедры теоретического и прикладного
языкознания Российско-Таджикского
(Славянского) университета

2. Мамадназаров Абдусалом – доктор
филологических наук, профессор кафедры
английского языка факультета языков Азии
и Европы Таджикского национального
университета

3. Косимов Олимджон Хабибович –
доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и
журналистики Международного
университета иностранных языков
Таджикистана им. Сотима Улугзаде

Ведущая организация:

Институт языка и литературы им. Рудаки
Национальной академии наук
Таджикистана

Защита состоится «16» сентября 2026 года в 14:00 на заседании
Диссертационного совета Д 73.1.015.02 в Институте гуманитарных наук им.
академика Б. Искандарова НАНТ, 736001, г. Хорог, ул. У. Холдорова, 1.

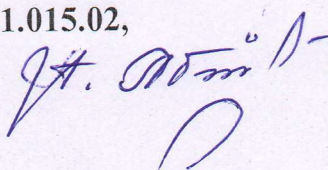
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института гуманитарных наук
им. академика Б. Искандарова НАНТ и на сайте Института www.ign.tj

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

И.о. ученого секретаря

диссертационного совета Д 73.1.015.02,

доктор филологических наук

Абдулназаров А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современная когнитивная лингвистика и лингвокультурология всё чаще обращаются к тем языковым единицам, в которых сохраняется не только значение слова, но и опыт народа. Через язык передаются представления о мире, привычные способы оценки, нормы поведения и культурная память. Поэтому изучение базовых концептов позволяет увидеть, как в языке складывается и удерживается этническая картина мира.

К числу таких базовых концептов относится ДОМ. В разных культурах он связан с общим для человека опытом жилища, семьи и защищённого пространства, однако в каждой традиции наполняется своими смыслами. В шугн.-руш. группе памирских языков ДОМ обозначает не только место проживания, но и более широкий круг представлений: семью, родовую преемственность, внутренний порядок, сакральную защиту, традиционный уклад и пространственную организацию мира.

Традиционный памирский дом подробно описывался в этнографических, историко-культурных и антропологических работах. Однако в шугн.-руш. материале он почти не рассматривался как языковой и когнитивно-культурный феномен. До сих пор специально не были раскрыты те лексико-семантические, морфологические и коллокационные средства, через которые в языке выражается концепт ДОМ и связанные с ним представления о семье, границе, защите, роде и внутреннем порядке.

Актуальность темы усиливается и современным состоянием малых языков Памира. Под влиянием глобализации, языкового сдвига и изменения традиционного уклада часть исконной домовой лексики постепенно уходит из активного употребления. Поэтому важно не только описать эти единицы, но и показать, какие культурные смыслы за ними стоят. Анализ концепта ДОМ позволяет зафиксировать тот слой языковой памяти, в котором сохраняются представления о пространстве, принадлежности, границе, защите и родовой преемственности.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема концепта занимает важное место в современной когнитивной лингвистике. В зарубежной традиции её теоретические основания связаны с работами Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Лэнгакера, Л. Талми, Г. Фоконье, М. Тернера и других исследователей, которые описали механизмы концептуальной метафоры, когнитивной грамматики, ментальных пространств, фреймов и концептуализации опыта. В российской лингвистике это направление развивалось в трудах Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева и др., где концепт рассматривается как сложная единица знания, связывающая язык, мышление и культуру.

Концепт ДОМ уже рассматривался в российской и зарубежной науке в семантическом, культурологическом, лингвокультурном и философском аспектах. Однако для малых языков, особенно для шугн.–руш. группы памирских языков, эта тема остаётся почти не разработанной. Традиционный памирский дом хорошо известен по этнографическим описаниям, где подробно представлены его архитектура, быт и ритуальные функции. Но языковые средства, через которые носители осмысливают дом как пространство семьи, рода, границы, защиты и внутреннего порядка, до настоящего времени не были предметом специального комплексного анализа.

В таджикском языкознании когнитивное и лингвокультурологическое направление связано прежде всего с научной школой профессора Д. М. Искандаровой. В рамках этой школы выполнен ряд докторских исследований, посвящённых разным концептуальным сферам и когнитивным аспектам языка, в том числе работы М. Б. Давлатмировой, Н. И. Каримовой, З. М. Мухторова, С. Г. Сабировой. Эти труды важны для настоящего исследования как часть той научной традиции, в которой язык рассматривается через связь значения, культуры и этнического опыта. Вместе с тем концепт ДОМ в шугн.–руш. группе языков до сих пор не получил отдельного целостного описания.

Несмотря на широкую теоретическую базу когнитивной лингвистики, наличие отдельных концептологических работ в таджикском языкознании и подробные этнографические описания памирского дома, шугн.–руш. материал в этом аспекте остаётся почти не изученным. До настоящего времени не было работы, где концепт ДОМ рассматривался бы одновременно через лексику, морфологические модели, устойчивые сочетания, культурные смыслы и традиционные представления носителей. Именно этот пробел и определил направление настоящего исследования.

Объектом исследования является концепт ДОМ как многомерная когнитивно–культурная структура, репрезентирующая один из ключевых фрагментов традиционной картины мира народов Западного Памира.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные, лексико–семантические, морфологические, коллокационные и культурно–семиотические механизмы формирования, языковой репрезентации и функционирования концепта ДОМ в шугн.–руш. группе языков.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является комплексное когнитивно–лингвокультурологическое осмысление концепта ДОМ как ключевого элемента традиционной картины мира носителей шугн.–руш. группы памирских языков и построение когнитивно–семантической модели его языковой репрезентации.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1. определить теоретико–методологические основания исследования концепта в когнитивной лингвистике и смежных дисциплинах;
2. выявить и описать семантическое пространство концепта ДОМ в шугн.–руш. группе языков;

3. проанализировать морфологические и коллокационные модели, репрезентирующие концепт ДОМ в шугн.–руш. группе языков;
4. исследовать символично–коннотативные и аксиологические значения, связанные с концептом ДОМ в традиционной культуре носителей шугн.–руш. группы языков;
5. установить взаимосвязь языковых, культурных и этнокультурных факторов в формировании и функционировании концепта ДОМ;
6. определить когнитивные принципы категоризации и метафоризации, лежащие в основе репрезентации концепта ДОМ;
7. разработать когнитивно–семантическую модель концепта ДОМ, отражающую его структурную организацию, полевую конфигурацию и функциональное значение в языковой картине мира.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что концепт ДОМ в шугн.–руш. группе языков организован как сложная смысловая область, где предметное представление о жилище связано с семьёй, родовой преемственностью, внутренним порядком, защитой и сакральными смыслами. Эти значения закрепляются в языке не только через отдельные номинации, но и через устойчивые лексические, морфологические и коллокационные модели. Поэтому ДОМ в шугн.–руш. материале рассматривается как одна из ключевых форм языкового сохранения этнокультурной памяти народов Западного Памира.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые концепт ДОМ в шугн.–руш. группе памирских языков становится предметом специального комплексного когнитивно–лингвокультурологического анализа, объединяющего лексико–семантический, морфологический, коллокационный, этнолингвистический и символично–аксиологический уровни описания. Впервые на материале шугн.–руш. языков системно раскрыты языковые механизмы репрезентации концепта ДОМ в их связи с традиционной картиной мира народов Западного Памира.

В работе уточнена семантическая структура базовых номинаций домового сферы, выявлены их внутренняя иерархия и функциональная асимметрия, а также показано различие профилей сочетаемости опорных лексем *čīd*, *xūnā* и *mālā* ‘дом’, ‘жилье’. Впервые выделены и систематизированы устойчивые лексико–семантические, морфологические и коллокационные паттерны, посредством которых в языке репрезентируются ключевые смысловые зоны концепта ДОМ: внутреннее устройство жилища, функциональная сегментация пространства, граница, защита, принадлежность, родовая преемственность и хозяйственный уклад.

Основным научным результатом исследования является построение когнитивно–семантической модели концепта ДОМ в шугн.–руш. группе языков. Эта модель показывает, что ДОМ в исследуемом материале организован не как отдельная лексическая единица и не только как название жилища, а как многоуровневая полевая структура, в которой предметно–

пространственные, семейно–родовые, хозяйственные, защитные, сакральные и ценностные смыслы связаны между собой устойчивыми языковыми механизмами. Тем самым в работе впервые показано, каким образом через лексику, морфологические модели, коллокационные связи и культурно значимые номинации в шугн.–руш. языковой традиции закрепляется и воспроизводится этнокультурное представление о доме как центре семьи, рода, внутреннего порядка и защищённого пространства.

Теоретико–методологическая основа исследования. Теоретико–методологическую основу диссертационного исследования составляют фундаментальные труды в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, семасиологии и этнолингвистики, а также исследования, ориентированные на анализ языковой репрезентации концептов. Концептуальная база работы опирается на труды Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которых разработана теория концептуальной метафоры, на положения когнитивной грамматики Р. Лэнгакера, на идеи Л. Талми о концептуальном структурировании, на фреймовую семантику Ч. Филлмора, а также на теории ментальных пространств и концептуального блендинга, представленные в работах Г. Фоконье и М. Тернера. Предложенные указанными исследователями модели служат важной теоретической базой для анализа концепта как сложной когнитивной структуры, репрезентируемой в языке посредством фреймов, образных схем, метафорических проекций и иных механизмов концептуализации опыта.

В российской лингвистике методологическую основу работы формируют исследования Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева и других учёных, рассматривающих концепт как единицу структурированного знания, отражающую взаимодействие языка, мышления и культуры. Существенное значение для настоящего исследования имеют также труды Ю. С. Степанова, В. Н. Телии и В. И. Карасика, в которых раскрываются ценностные, образные и культурно маркированные аспекты концептов, а также их роль в формировании национальной картины мира. В таджикском языкознании идеи когнитивной и лингвокультурной парадигм получили системное развитие в рамках научного направления, сформировавшегося под руководством доктора филологических наук, профессора Д. М. Искандаровой на базе кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско–Таджикского (Славянского) университета. Это направление стало одним из ведущих центров адаптации когнитивно–семантических и аксиологических подходов к исследованию таджикского языка и культуры. В работах Д. М. Искандаровой последовательно разработаны и апробированы методы когнитивного и лингвокультурного анализа применительно к таджикскому языковому материалу, а также обозначены основные исследовательские векторы данной области, включая концептологию, анализ фразеологических средств репрезентации концептов, изучение ассоциативных полей и использование

корпусных и электронных ресурсов в лингвистическом исследовании¹. Существенно, что данное направление получило дальнейшее развитие и в докторских исследованиях её научной школы, посвящённых проблемам концептуализации, языковой картины мира, дискурса и этнокультурной семантики². Обращение к этому кругу работ позволяет рассматривать настоящее исследование не только в контексте российской и мировой когнитивной лингвистики, но и в русле современной таджикской научной традиции.

В качестве основной методологической рамки исследования используются лингвокогнитивный, семантико–когнитивный и лингвокультурологический подходы. Остальные теоретические модели и аналитические инструменты привлекаются как вспомогательные и применяются точно в тех случаях, когда это необходимо для интерпретации конкретных языковых фактов.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении научных представлений о механизмах концептуализации культурно значимых явлений в языке и в уточнении способов языковой репрезентации базовых концептов в системе малых языков. На материале шугн.–руш. группы памирских языков показано, что концепт ДОМ представляет собой многоуровневую когнитивно–культурную структуру, репрезентируемую посредством лексико–семантических, морфологических и коллокационных механизмов, через которые в языке закрепляются пространственные, социальные, ценностные и сакральные параметры традиционной картины мира.

Исследование уточняет представления о соотношении языковой семантики, когнитивной организации и культурной интерпретации концепта,

¹ Искандарова, Д. М. Исследование ассоциативного поля толерантности в молодежной среде Таджикистана / Д. М. Искандарова // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 8–3. – С. 389–390; Искандарова, Д. М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско–Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – № 3 (81). – С. 58–70; Искандарова, Д. М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований / Д. М. Искандарова // Казанская наука. – 2021. – № 1. – С. 94–97; Iskandarova, D., Imomzoda, M. Phraseological Units that Represent Concept of “Oila” in Tajik Language // Proceedings of the International Conference “Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (TPHD 2018). – Paris: Atlantis Press, 2019. – P. 168–174.

² Давлатмирова, М. Б. Национально–специфические особенности макроконцепта ‘Судьба’ в различных лингвокультурах (на материале таджикского, арабского и языков шугнано–рушанской группы): монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 180 с.; Давлатмирова, М. Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта ‘Судьба’ (на материале таджикского, арабского и шугнано–рушанской группы языков): автореф. дисс. ... д–ра филол. наук / М. Б. Давлатмирова. – Душанбе, 2019. – 51 с.; Каримова, Н. И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. ... д–ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2019. – 451 с.; Мухторов, З. М. Структура и семантика текста: сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков: дис. ... д–ра филол. наук: 10.02.20 / Мухторов Зайнидин Мухторович. – Душанбе, 2013. – 334 с.; Сабирова, С. Г. Когнитивно–сопоставительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков): дис. ... д–ра филол. наук / Сабирова Сановбар Ганиевна. – Душанбе, 2024. – 506 с.;

позволяет описать взаимодействие ядерных и периферийных смысловых зон, а также выявить роль устойчивых языковых моделей в формировании доменной концептосферы. Полученные результаты расширяют теоретические возможности когнитивной семасиологии, этнолингвистики и лингвокультурологии в изучении малых языков и дополняют научные представления о механизмах языковой объективации этнокультурного опыта народов Памира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в научной, образовательной и культурно–просветительской сферах. Собранные и систематизированные материалы, включающие полевые данные, лексические единицы, локальные варианты номинаций, этнографические сведения и ритуальные формулы, могут быть использованы при составлении учебных пособий, словарей и других лексикографических ресурсов по шугн.–руш. языкам, а также в разработке вузовских курсов по когнитивной лингвистике, этнолингвистике и лингвокультурологии.

Материалы исследования могут найти применение в программах и проектах, направленных на сохранение, документирование и популяризацию языкового и нематериального культурного наследия народов Памира. Полученные результаты представляют интерес для специалистов в области лингвистики, этнографии, культурной антропологии и региональных исследований, а также создают основу для дальнейших междисциплинарных работ, связанных с изучением традиционной картины мира, культурной памяти и языковой объективации этнокультурного опыта в малых языках.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт ДОМ в шугн.–руш. группе памирских языков представляет собой многоуровневую лингвокогнитивную категорию полевого типа, реконструируемую по данным лексико–семантических, коллокационных и морфологических средств репрезентации и отражающую традиционную модель жилого пространства как предметно, социально и ценностно организованной среды.
2. Базовые номинации жилища образуют асимметричную систему, в которой доминантное положение занимает *čīd*, тогда как *xūnā* и *mālā* выступают конкурирующими, но неравнозначными единицами, различающимися по степени прототипичности, семантическому объёму и профилям сочетаемости, что выявляет внутреннюю иерархию языковой категоризации ДОМ.
3. Полевая организация концепта ДОМ включает ядерную, приядерную и периферийные зоны; ближняя периферия при этом структурируется системой макро– и микрополей, репрезентирующих основные семейные, хозяйственные, ритуальные, пространственные и социальные аспекты домашнего мира.
4. Существенным механизмом языковой репрезентации концепта ДОМ выступают устойчивые лексические, лексико–морфологические и

синтаксические паттерны, через которые системно актуализируются когнитивные признаки границы, центра, принадлежности, защиты, внутреннего порядка и родовой преемственности, а также категоризуются внутренние помещения, функциональные зоны и нормативно значимые характеристики дома и хозяйства.

5. Коллокационно–морфологическая организация концепта ДОМ обнаруживает функциональную специализацию его опорных лексем: *čīd* связано преимущественно с базовыми оценочными и социально–референтными смыслами, *xūnā* – с более сложными событийно–ситуативными и лексико–морфологическими моделями, *mālā* – с пространственной ориентировкой и локализацией.
6. Культурно значимые элементы традиционного жилища, включая *rūz* ‘окно на крыше’, *poɣgā* ‘основание традиционного дома’, *kicor* ‘очаг’, *bārñêx* ‘главное возвышение вдоль стен’ и другие архитектурно и ритуально маркированные единицы, образуют символично–аксиологический слой концепта ДОМ, в котором пространственная организация дома соотносится с представлениями о сакральности, благословении, защите, социальном порядке, статусе и памяти рода.
7. Входной комплекс традиционного дома – порог, дверь и связанные с ними защитные формулы и обрядовые действия – репрезентирует особую зону границы, допуска и нормативной регуляции, в которой дом осмысливается как охраняемое пространство, организующее отношения между внутренним и внешним, своим и чужим.
8. Структура концепта ДОМ объединяет универсальные пространственные схемы: ДОМ как центр, граница, вместилище и защита с этноспецифическими признаками, обусловленными историко–культурной традицией народов Западного Памира, вследствие чего ДОМ выступает одной из ключевых форм языковой фиксации и воспроизводства этнокультурной идентичности.

Обоснованность и достоверность результатов исследования.

Достоверность и научная обоснованность результатов обеспечиваются корректностью избранной теоретико–методологической базы, комплексным характером применённых аналитических процедур, репрезентативностью эмпирического материала и внутренней согласованностью полученных выводов. Исследование выполнено с использованием взаимодополняющих подходов, включая семантико–когнитивный, лексико–семантический, полевой, морфологический и лингвокультурологический анализ, а также выявление устойчивых коллокационных моделей и морфологических паттернов; элементы фреймового моделирования и когнитивной грамматики привлекались как вспомогательные интерпретационные инструменты.

Эмпирическую базу исследования составил широкий круг материалов, собранных и проверенных автором в течение длительного времени. В работе использованы полевые записи, данные живой речи носителей, материалы наблюдений, словарные и лексикографические источники, а также онлайн–

лексикографические ресурсы по памирским языкам. Основной полевой материал был собран в 2019–2024 гг. в разных районах ГБАО; кроме того, в исследование включены авторские записи по шугн.–руш. материалу за 2015–2024 гг. Такой временной и территориальный охват позволил рассматривать лексику дома не как случайный набор отдельных единиц, а как устойчивый пласт языковой памяти, связанный с традиционным бытом, семейной организацией, внутренним устройством жилища, хозяйственным пространством и защитными практиками.

В ходе исследования было проанализировано около 1200 оригинальных словоформ и вариантов, связанных с концептом ДОМ. После снятия повторов, близких форм и дублетных фиксаций основной лексический массив составил примерно 430–520 самостоятельных единиц. Отдельно были выделены около 740 устойчивых сочетаний, формул и контекстных выражений, через которые в шугн.–руш. материале описываются дом, его части, внутренние зоны, хозяйственное пространство, родовая принадлежность, защитные действия и ритуально значимые элементы жилища. Эти данные позволяют показать, что концепт ДОМ выражается не только отдельными словами, но и повторяющимися моделями речи.

Для уточнения употребления базовых номинаций дома была проведена анкетная проверка. Анкета включала 50 ситуативных предложений, направленных на выявление распределения лексем *čīd*, *xīnā* и *mālā* в разных типах контекстов. В анкетировании приняли участие 82 респондента; всего было получено 2498 ответов. Это позволило уточнить различия между тремя номинациями в реальном употреблении и определить, в каких случаях *čīd* выступает как наиболее центральная единица, а в каких контекстах активизируются *xīnā* и *mālā*.

Надёжность интерпретации обеспечивается тем, что формы, значения и контексты не рассматривались изолированно. Полевые записи сопоставлялись с живой речью носителей, анкетными данными, словарными источниками и онлайн–лексикографическими ресурсами. При необходимости учитывалась фонетическая вариативность названий, характерная для отдельных языков шугн.–руш. группы. Такой принцип позволил удержать большой фактический материал в единой логике анализа и показать, какие единицы образуют ядерные, приядерные и периферийные зоны концепта ДОМ.

Обоснованность выводов подтверждается системной организацией исследования: результаты семантического описания концепта ДОМ и его полевой структуры соотносятся с выявленными морфологическими механизмами и коллокационными моделями репрезентации, а лингвокультурологический и аксиологический анализ подтверждает устойчивость реконструируемых смыслов на уровне традиционных сценариев и нормативных установок. Выводы основаны на регулярно воспроизводимых языковых фактах и подтверждаются совокупностью представленных данных и обобщающих таблиц.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на научных семинарах Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана, докладывались на республиканских и международных научных конференциях по лингвистике и отражены в опубликованных работах автора. Всего по проблематике исследования опубликовано 29 научных статей и материалов, из них 17 статей в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации, и 4 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Республики Таджикистан. По теме диссертации подготовлена к изданию монография “Концепт ДОМ в шугнано–рушанских языках: семантика, структура, культура”. Публикации отражают основные этапы разработки темы и охватывают ключевые аспекты изучения концепта ДОМ в шугн.–руш. языках: когнитивно–семантическую структуру, лексико–семантическое поле, морфологические и коллокационные модели, лингвокультурологические и аксиологические характеристики, а также культурно значимые элементы традиционного памирского дома.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Основной текст диссертации изложен на 391 странице; приложение составляет 14 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Теоретико–методологические основы исследования лингвокогнитивных концептов и традиционных представлений» определяет научную рамку, в которой далее рассматривается концепт ДОМ в шугн.–руш. группе памирских языков. В её основе лежит положение о том, что язык является не только средством называния и описания действительности, но и особым когнитивным механизмом, участвующим в осмыслении мира, закреплении коллективного опыта и передаче культурно значимых представлений от поколения к поколению. Такой подход соответствует трактовке Е. С. Кубряковой, рассматривавшей язык как особый когнитивный механизм, связанный с репрезентацией и переработкой информации³ [210, с. 53]. В этом ракурсе концепт ДОМ получает в исследовании особый статус, поскольку в шугн.–руш. традиции он связан не только с материальным пространством проживания, но и с представлениями о роде, семейном укладе, внутреннем порядке, границах «своего» и «чужого», а также с рядом символических и нормативных значений.

Для шугн.–руш. материала такой подход особенно важен, поскольку домовая лексика здесь не ограничивается обозначением жилища как физического объекта. Названия дома, его частей, внутренних зон, порога,

³ Кубрякова, Е.С. Избранные труды / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд–во ‘Наука’, 1990; Кубрякова, Е.С. Понятие концепта: “оперативная содержательная единица... квант знания”. Избранные научные публикации по когнитивной лингвистике / Е.С. Кубрякова, 1996. – 245 с.;

очага, хозяйственного пространства и защитных практик передают более широкий круг смыслов, связанных с принадлежностью, памятью рода, пространственной организацией быта и традиционными нормами поведения. Поэтому уже в первой главе задаётся главный принцип всей работы: анализ концепта ДОМ строится не как описание отдельной лексемы, а как реконструкция многослойной когнитивно–культурной структуры, в которой языковая форма соотносится с культурным опытом и устойчивыми представлениями носителей.

В первом разделе главы последовательно рассматриваются основные научные трактовки концепта, сложившиеся в отечественной и зарубежной традиции. Для определения исходных понятийных координат привлекаются положения С. А. Аскольдова–Алексеева⁴, В. В. Виноградова⁵, Д. С. Лихачёва⁶, а также труды Е. С. Кубряковой, в которых концепт понимается как особая форма организации знания, не совпадающая со словом и не исчерпывающаяся его словарным значением. Такой подход особенно существенен для настоящего исследования, поскольку позволяет выйти за пределы чисто номинативного анализа и увидеть за языковой единицей более широкий круг представлений, связанных с жизненным опытом, культурной памятью и устойчивыми моделями мировосприятия. Вместе с тем в главе учитываются и теоретические решения, выработанные в западной когнитивной лингвистике. В этой связи рассматриваются фреймовая семантика Ч. Филлмора⁷, теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона⁸, когнитивная семантика Л. Талми⁹, когнитивная грамматика Р. Лэнгакера¹⁰, прототипическая модель Дж. Тейлора¹¹, восходящая к работам Э. Рош¹², а также теория ментальных пространств и концептуальной интеграции Ж.

⁴ Аскольдов–Алексеев, С.А. Концепт и слово // Русская словестность: Антология / Под ред. В.Н. Нерозанка. – М.: Academia, 1997. – С. 267–280.

⁵ Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. – С. 162–189.

⁶ Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН – СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3–9.

⁷ Fillmore, C. J. Frame semantics // *Linguistics in the Morning Calm: Linguistic Society of Korea* – Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982. – С. 111–137; Fillmore, C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. – 1988. – Vol. 64, № 3. – P. 501–538.

⁸ Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.; Lakoff, G., & Johnson, M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

⁹ Talmy Leonard. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1–2. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 565 pp.; Talmy, Leonard (1983). *How Language Structures Space*. In Pick, H.L. Jr. & Acredolo, L.P. (Eds.), *Spatial Orientation: Theory, Research and Application* (pp. 225–282). New York: Plenum Press.

¹⁰ Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. I: Theoretical Prerequisites. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 540 p.; Langacker, R. W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 573 p.

¹¹ Taylor, John R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. 2nd ed., Clarendon Press, 1995, p. 21.

¹² Rosch, E. *Principles of categorization // Cognition and categorization* / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

Фоконье¹³ и М. Тернера¹⁴. Их сопоставление даёт возможность показать, что концепт ДОМ не укладывается в рамки одной аналитической схемы: его структура раскрывается только при сочетании нескольких подходов, каждый из которых выявляет свой уровень смысловой организации.

Особую ценность для исследования представляет то, что указанные теории позволяют по-разному осветить внутреннее устройство концепта. Фреймовый подход делает возможным описание дома как типовой жизненной сцены, в которой объединяются пространство проживания, семейное взаимодействие, защита, приём гостей, хозяйственная деятельность и ритуальные формы поведения. Метафорический анализ, в свою очередь, помогает увидеть, каким образом дом осмысливается не только как постройка, но и как убежище, опора, точка возвращения, граница между внутренним и внешним миром. Прототипическая модель позволяет различить в его составе ядерные и периферийные зоны: в центре находятся значения, непосредственно связанные с жилищем, очагом и повседневным семейным пространством, тогда как на периферии концентрируются символические, образные, сакральные и оценочные расширения. Теория ментальных пространств и концептуального блендинга объясняет, каким образом в едином смысловом комплексе соединяются различные сферы опыта, прежде всего строительство и проживание, а вместе с ними представления о праве на дом, его родовой принадлежности, его внутренней иерархии и культурных ограничениях. В результате концепт ДОМ предстает как подвижная, но внутренне организованная структура, в которой предметное и культурное не разорваны, а существуют в постоянном взаимодействии.

Отдельное место в первой главе занимает круг российских исследований, наиболее близких к задачам данной работы. Для анализа материала шугн.-руш. языков особенно значимыми оказываются положения З. Д. Поповой и И. А. Стернина¹⁵, рассматривающих концепт как полевою структуру с ядерными и периферийными зонами; А. П. Бабушкина¹⁶, подчёркивающего укоренённость концепта в коллективной памяти; В. Н. Телия¹⁷, связывающей его с национально-культурной семантикой, наиболее полно проявляющейся в устойчивых выражениях; Ю. С. Степанова¹⁸ и В. И.

¹³ Fauconnier, G. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 464 p.

Fauconnier, Gilles. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge University Press, 1994, – 240 p.

¹⁴ Turner, Mark. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language. Oxford University Press, 1996. – 208 p.

¹⁵ Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронежский межрегиональный институт общественных наук / науч.ред.: З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2002. – 313 с.

¹⁶ Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 1996. – 138 с.

¹⁷ Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

¹⁸ Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 824 с.

Карасика¹⁹, трактующих концепт как многомерное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты; Е. И. Зеновьевой²⁰, показывающей, что концепт может получать языковое выражение на разных уровнях: от отдельных слов и словосочетаний до целостных текстов. Именно этот круг работ позволяет выстроить такую исследовательскую модель, в которой ДОМ рассматривается одновременно как когнитивная единица, как культурный знак и как узел устойчивых языковых репрезентаций. Для шугн.–руш. материала это принципиально, поскольку здесь дом связан не только с пространством проживания, но и с представлениями о роде, старшинстве, домашнем устройстве, запретах, нормах и сакрально отмеченных частях внутреннего пространства.

Во втором разделе главы обосновывается выбор методов, которые непосредственно работают в диссертации. При широком теоретическом фоне основную нагрузку несут лингвокогнитивный, лингвокультурологический и семантико–когнитивный подходы. Именно их сочетание позволяет рассматривать концепт ДОМ одновременно как языковое, когнитивное и культурно значимое явление. Для шугн.–руш. материала это особенно важно, поскольку названия дома, его частей, внутренних зон, порога, очага, хозяйственного пространства и защитных действий связаны не только с предметным значением, но и с традиционными представлениями о семье, роде, границе, порядке, защите и сакральности.

Лингвокогнитивный подход в работе нужен для того, чтобы раскрыть внутреннюю структуру концепта ДОМ, определить его ядерные и периферийные зоны, показать роль базовых номинаций *čīd*, *xīnā* и *mālā* в организации домовой лексики. Семантико–когнитивный анализ позволяет перейти от отдельных значений к более крупным смысловым связям: дом рассматривается как пространство проживания, семейной принадлежности, хозяйственной жизни, памяти рода и нормативного порядка. Лингвокультурологический подход, в свою очередь, помогает объяснить те случаи, где языковая единица не исчерпывается прямым значением, а связана с культурным сценарием, ритуальной практикой, религиозным представлением или устойчивой нормой поведения.

В качестве вспомогательных аналитических средств привлекаются теория концептуальных метафор, фреймовая семантика, теория имидж–схем, а также отдельные положения когнитивной и конструкционной грамматики. Эти инструменты используются не как самостоятельные теоретические блоки, а только там, где они действительно помогают объяснить материал. Теория концептуальных метафор важна при описании образных переносов, связанных с домом как центром, защитой, границей и вместилищем. Фреймовая семантика используется для реконструкции типовых ситуаций домашнего

¹⁹ Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.; Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

²⁰ Зинovieва, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник / Е.И. Зинovieва. – СПб.: СПбГУ; Нестор–История, 2016. – 182 с.

пространства: входа, допуска, защиты, проживания, родовой принадлежности, хозяйственного действия. Теория имидж–схем помогает описать пространственные основания концепта, прежде всего схемы «внутри/снаружи», «граница», «центр», «верх/низ», «путь» и «вместилище». Когнитивная и конструкционная грамматика привлекаются при анализе устойчивых моделей, где форма и значение связаны не случайно, а закреплены в повторяющихся способах выражения.

Такой выбор методов позволяет избежать механического переноса готовых теорий на шугн.–руш. материал. В диссертации метод подчиняется самому материалу: сначала выявляются реальные языковые формы, их значения, сочетания и контексты, а затем уже определяется, какой аналитический инструмент помогает точнее их объяснить. Поэтому во второй, третьей и четвёртой главах теоретические положения первой главы получают практическое продолжение: полевой подход помогает установить состав домового лексикона и выделить ядро концепта, прежде всего *čīd*; фреймовое моделирование раскрывает внутреннюю организацию домашнего пространства; морфологический и коллокационный анализ показывает устойчивые модели репрезентации концепта ДОМ; лингвокультурологическая интерпретация связывает языковые данные с традиционными представлениями носителей.

С этим напрямую связана и характеристика эмпирической базы исследования, также представленная в первой главе. Материалом послужили онлайн–версия трёхтомного шугнано–русского словаря Д. Карамшоева²¹, данные лексикографической платформы Pamiri.online, а также полевые записи, собранные автором – носителем шугнанского языка – в 2015–2024 гг. В поле наблюдения вошли названия помещений, архитектурная терминология, словосочетания, табуизированные выражения, пословицы и поговорки, зафиксированные методом интервью «вопрос–ответ» в тетрадях и на цифровые носители. Существенно, что работа с этим материалом строилась не как простая выборка лексем, а как последовательная процедура тематической классификации и смыслового анализа. Кодирование выполнялось вручную с учётом принятых теоретических оснований; для уточнения частотности и выявления доминант внутри номинативного поля концепта использовались специально составленные анкеты; спорные случаи обсуждались с научным руководителем и коллегами, а также проверялись с участием трёх консультантов – носителей шугн.–руш. языков. Всё это позволило обеспечить достаточную надёжность интерпретации без сведения исследования к формальным статистическим операциям. Для автореферата эта часть особенно важна, поскольку она показывает, что диссертация основана на значительном по объёму и характеру фактическом материале, включающем как словарные, так и живые полевые данные.

²¹ URL: <https://www.pamiri.online>. Pamiri.online – онлайн–лексикографический ресурс по памирским языкам

Важным компонентом первой главы становится обсуждение цифровых и онлайн–лексикографических ресурсов в исследовании малых языков. Для шугн.–руш. материала это особенно значимо, поскольку значительная часть домовой лексики сохраняется в словарях, отдельных записях, локальной памяти носителей и не всегда регулярно звучит в современной повседневной речи. В работе используются онлайн–версия трёхтомного шугнано–русского словаря Д. Карамшоева, данные платформы Ramiri.online, а также полевые записи автора, собранные в 2015–2024 гг. Эти источники позволяют расширить круг материала, уточнить форму и значение отдельных единиц, сопоставить варианты употребления и увидеть, какие названия дома, его частей, хозяйственного пространства и традиционных практик ещё сохраняются в языковой памяти носителей.

При этом цифровые и онлайн–лексикографические ресурсы в диссертации не рассматриваются как готовая замена полевой работе. Их роль вспомогательная: они дают возможность проверить форму, значение и возможные варианты фиксации слова, но не всегда показывают, живёт ли эта единица в современной речи. Поэтому словарные данные постоянно сопоставляются с живой речью носителей, анкетными ответами и полевыми наблюдениями. Такой подход позволяет различать несколько уровней сохранности лексики: единицы, которые активно употребляются; слова, которые носители узнают, но редко используют; архаичные или пассивные формы; а также лексемы, сохранившиеся преимущественно в словарной фиксации.

Именно это сопоставление помогает уточнить не только состав номинативного поля концепта ДОМ, но и его современное состояние. На материале диссертации видно, что утрата отдельных слов, связанных с традиционным домом, означает не просто изменение словаря. Вместе с ними ослабевают и те представления, которые за ними стояли: о внутреннем устройстве жилища, очаге, пороге, хозяйственных зонах, родовом доме, защитных действиях и правилах поведения внутри домашнего пространства. Поэтому первая глава намечает важную для всей работы линию: концепт ДОМ описывается не только как реконструируемая традиционная система, но и как часть живой языковой памяти, находящейся в состоянии изменения под влиянием языкового контакта, культурных сдвигов и сужения сферы употребления исконной лексики.

Таким образом, первая глава выполняет в диссертации не вводную, а системообразующую функцию. В ней формируется понятийный аппарат исследования, определяется круг теорий, действительно применимых к шугн.–руш. материалу, обосновывается соотношение основных и вспомогательных методов, а также уточняется сам принцип анализа концепта ДОМ. Этот принцип состоит в том, что ДОМ рассматривается не как отдельное слово и не как изолированное обозначение жилища, а как узловый элемент шугн.–руш. лингвокультуры, в котором соединяются представления о пространстве, семье, роде, хозяйственном укладе, защите, границе и внутреннем порядке.

Именно такая методологическая основа позволяет в последующих главах перейти от общего теоретического понимания концепта к конкретному языковому материалу. Во второй главе эта логика раскрывается через описание номинативного поля, полевой структуры и макрополей концепта ДОМ; в третьей главе через анализ морфологических и коллокационных моделей при опорных лексемах *čīd*, *xūnā* и *mālā*; в четвёртой главе через рассмотрение тех элементов традиционного дома, которые несут выраженную символическую и ценностную нагрузку: порога, двери, очага, внутреннего пространства, защитных практик и сакрально маркированных зон жилища. Поэтому первая глава не просто предваряет основной анализ, а задаёт его внутреннюю логику.

В этом смысле теоретико–методологическая часть диссертации связывает между собой все уровни дальнейшего описания: лексико–семантический, морфологический, коллокационный, когнитивный и лингвокультурологический. Она показывает, почему материал о доме должен рассматриваться одновременно как языковой факт и как часть традиционного знания носителей. Благодаря этому концепт ДОМ в работе раскрывается как форма соединения языка, культуры, памяти и социального опыта, а не как сумма отдельных названий, связанных с жилищем. Такой подход позволяет удержать целостность исследования и перейти от описания слов и моделей к реконструкции более широкой картины домашнего мира в шугн.–руш. языковой традиции.

Во второй главе «Семантическое пространство концепта ДОМ: лексико–семантическая и полевая структура» центр анализа переносится с общей методологической постановки проблемы на сам языковой материал. Здесь концепт ДОМ рассматривается уже не как теоретическая категория, а как конкретная система номинаций, значений и устойчивых смысловых связей, представленных в шугн.–руш. группе памирских языков. В этой главе реконструируется семантическое пространство концепта ДОМ как внутренне организованное поле, где отдельные единицы различаются по степени типичности, частотности, семантическому объёму и культурной нагруженности. Такой подход позволяет показать, что дом в шугн.–руш. языковой картине мира не сводится к обозначению жилища как материального объекта, а постепенно раскрывается как пространство семьи, рода, принадлежности, внутреннего порядка, защиты и культурной нормы.

Описание строится на сочетании когнитивно–семантического, полевого и структурно–дистрибутивного подходов. Когнитивно–семантический подход позволяет выявить те смысловые признаки, которые объединяют разные номинации домовой сферы: проживание, укрытие, родство, хозяйство, границу, защиту и связь с местом происхождения. Полевой подход помогает определить, какие единицы образуют ядро концепта, какие располагаются в приядерной зоне, а какие входят в ближнюю и дальнюю периферию. Структурно–дистрибутивный анализ, в свою очередь, показывает, как отдельные лексемы ведут себя в разных контекстах, с какими словами

сочетаются и какие смысловые оттенки приобретают в живой речи. Благодаря этому дом описывается не как сумма разрозненных слов, а как смысловое поле, внутри которого ядерные и периферийные зоны соотносятся по степени концептуальной значимости и функциональной устойчивости²².

Уже на этом уровне становится ясно, что в шугн.–руш. языковой картине мира концепт ДОМ имеет многослойную структуру. Его предметная основа связана с жилищем, внутренним пространством, частями дома и хозяйственной средой, однако этим содержание концепта не ограничивается. Через дом обозначаются отношения человека с семьёй, родом, предками, родным местом и привычным социальным порядком. Поэтому даже базовые номинации домовой сферы тяготеют к более широкому кругу представлений: дом осмысливается как место жизни, как знак принадлежности, как граница между своим и чужим, как защищённое пространство и как часть культурной памяти. В этом отношении материал второй главы подтверждает понимание концепта как многоуровневого образования, включающего понятийный, образный и ценностный планы²³.

Такое построение главы важно и для всей дальнейшей логики исследования. Во второй главе закладывается семантическая основа последующего анализа: сначала выявляется состав номинативного поля концепта ДОМ, затем определяется соотношение базовых номинаций *čīd*, *xūnā* и *mālā*, после чего раскрывается полевая организация концепта через систему макро– и микрополей. Благодаря этому дальнейшее описание морфологических, коллокационных и символическо–аксиологических аспектов опирается уже не на общее представление о доме, а на конкретно установленную структуру его языковой репрезентации в шугн.–руш. материале.

Первый раздел главы посвящён синонимическому полю концепта ДОМ и тем языковым средствам, через которые это поле получает лексическое оформление. В качестве основных репрезентантов выделены три базовые номинации жилища: *čīd*, *xūnā* и *mālā*. На первый взгляд они могут восприниматься как близкие по значению единицы, однако сопоставление словарных данных Д. Карамшоева²⁴, наблюдений над живой речью и результатов авторского опроса показывает, что эти номинации неравноправны ни по частотности, ни по семантическому объёму, ни по степени культурной нагруженности.

В авторской анкете, включавшей 50 ситуативных предложений, было получено 2498 ответов от 82 респондентов. Эти данные позволили уточнить не только общую частотность употребления трёх базовых номинаций дома, но

²² Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учеб. издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток Запад, 2007. – 226 с.; Taylor, John R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd ed., Clarendon Press, 1995, p. 21; Rosch, E. Principles of categorization // Cognition and categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

²³ Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

²⁴ URL: <https://www.pamiri.online>. Pamiri.online – онлайн–лексикографический ресурс по памирским языкам.

и их распределение по разным типам контекстов. Особенно важно, что анкета фиксировала не отвлечённое знание слова, а выбор носителя в конкретной ситуации: когда речь идёт о своём доме, о доме как постройке, о доме как месте семьи, о возвращении домой, о госте, о внутреннем пространстве, о сакрально или этнографически маркированных элементах традиционного жилища.

Полученные результаты показывают, что *čīd* занимает прототипически центральное положение в синонимическом поле концепта ДОМ. Эта лексема свободно употребляется в нейтрально–бытовых, локативных, семейно–родовых, сакральных, конструктивных и метафорических контекстах. Кроме того, именно *čīd* сохраняет наиболее тесную связь с традиционным памирским домом как культурно значимым пространством. В диссертации подчёркивается, что *čīd* соотносится не только с обобщённым значением ‘дом/жилище’, но и с этнографически конкретной моделью дома, включающей внутреннюю организацию пространства, пять столбов, очаг, возвышение вдоль стены, окно на крыше и другие культурно значимые элементы. Поэтому *čīd* выступает не просто одной из номинаций жилища, а основной языковой формой, через которую в шугн.–руш. материале выражается дом как пространство семьи, рода, традиции, защиты и культурной памяти.

Напротив, *xīnā* и *mālā* сохраняют более ограниченные зоны употребления. *Xīnā* чаще появляется в бытовых и внутренних контекстах, где дом обозначается как место проживания или помещение, без обязательной связи с этнографически насыщенной моделью традиционного памирского дома. *Mālā* поддерживает преимущественно локативные и переходные значения, связанные с местом, участком, направлением или пространственной отнесённостью. В этом отношении обе единицы входят в синонимическое поле концепта ДОМ, но не образуют его центр. Они конкурируют с *čīd*, однако не обладают тем же объёмом смысловых связей и не охватывают весь круг культурных, семейно–родовых и символических значений, закреплённых за центральной номинацией.

Такое распределение подтверждает внутреннюю иерархию синонимического поля. В его центре находится исконная лексема *čīd*, объединяющая физическое, социальное и культурно–ценностное измерения значения. Лексемы *xīnā* и *mālā* относятся к периферийным зонам и распределяются по типам ситуаций в зависимости от степени обобщённости, бытовой нейтральности или пространственной направленности. В этом отношении глава уточняет и развивает данные словаря Д. Карамшоева²⁵, наблюдения Л. Р. Додыхудоевой²⁶, а также сопоставление с толковыми

²⁵ Там же.

²⁶ Додыхудоева, Л.Р. Этнолингвистический словарь: “дом”, “жилье”; “хозяйство” / Л.Р. Додыхудоева // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. I. – М., 2005, – С. 210–247.

словарями таджикского²⁷ и русского²⁸ языков. Обобщённое распределение трёх номинаций по основным типам ситуативных контекстов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение номинаций *čīd* / *xūnā* / *mālā* по типам ситуативных контекстов

№	Тип контекста	<i>čīd</i>	<i>xūnā</i>	<i>mālā</i>
1	Нейтральные бытовые (жить, быть дома, тихо/холодно)	+++	+	±
2	Внутренняя жизнь дома (разговоры, порядок, покой)	+++	+	—
3	Вход / выход, перемещение	+++	—	+
4	Рост, жизнь, принадлежность	+++	+	±
5	Род, предки, наследование	+++	—	—
6	Традиция, сакральность	+++	—	—
7	Конструктивные элементы дома	+++	—	—
8	Абстрактные и метафорические значения	+++	—	—

* Составлено автором на основе результатов анкетирования

+++ – доминирующая, наиболее предпочтительная номинация;

+ – допустимая, но не доминирующая номинация;

± – допустимая с ограничениями;

— – нехарактерная / практически неупотребительная номинация в данном типе контекста.

Далее семантическое пространство концепта раскрывается через систему экспликаторов, конкретизирующих разные стороны дома как жизненного, социального и культурного пространства. На основе полевого материала и онлайн–лексикографических данных в главе выявлены 48 экспликаторов концепта ДОМ; их распределение уточнялось в отдельном эксперименте с участием 82 респондентов. Это позволило очертить ближнюю и дальнюю периферию поля и показать, что за пределами ядерных номинаций дом репрезентируется через целый ряд устойчивых признаков: уменьшенность и убогость жилища, его защитную функцию, достаток и хозяйственную устроенность, связь с семьёй и родом, локальную укоренённость, порог и личное пространство. Особенно показательно, что многие из этих единиц несут уже не только номинативную, но и отчётливо оценочную нагрузку: дом может осмысляться как убежище, как хозяйственный центр, как пространство бедности или, напротив, как знак благополучия и устойчивости. При этом глава не ограничивается простым перечнем таких единиц, а показывает их морфологические и синтаксические типы, их сочетаемостные возможности и семантические зоны, в пределах которых они становятся релевантными для концепта ДОМ. Благодаря этому

²⁷ Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Т I. – Душанбе, 2008. – 412 с.; Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Т II, – Душанбе, 2008. – 445 с.; Фарханги тоҷикӣ ба русӣ / Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. – Душанбе: Пайванд, 2006. – 669 с.

²⁸ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-ое изд. – М., 1992. – 2314 с.

полевая структура главы приобретает не только описательный, но и объяснительный характер.

На основе проведённого анализа в диссертации предложена когнитивно–семантическая модель концепта ДОМ, отражающая его внутреннюю организацию и систему взаимосвязанных смысловых зон в шугн.–руш. языковой картине мира. В её основе лежит полевая организация: ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия, а также система макро– и микрополей (См.: Схема 1.).

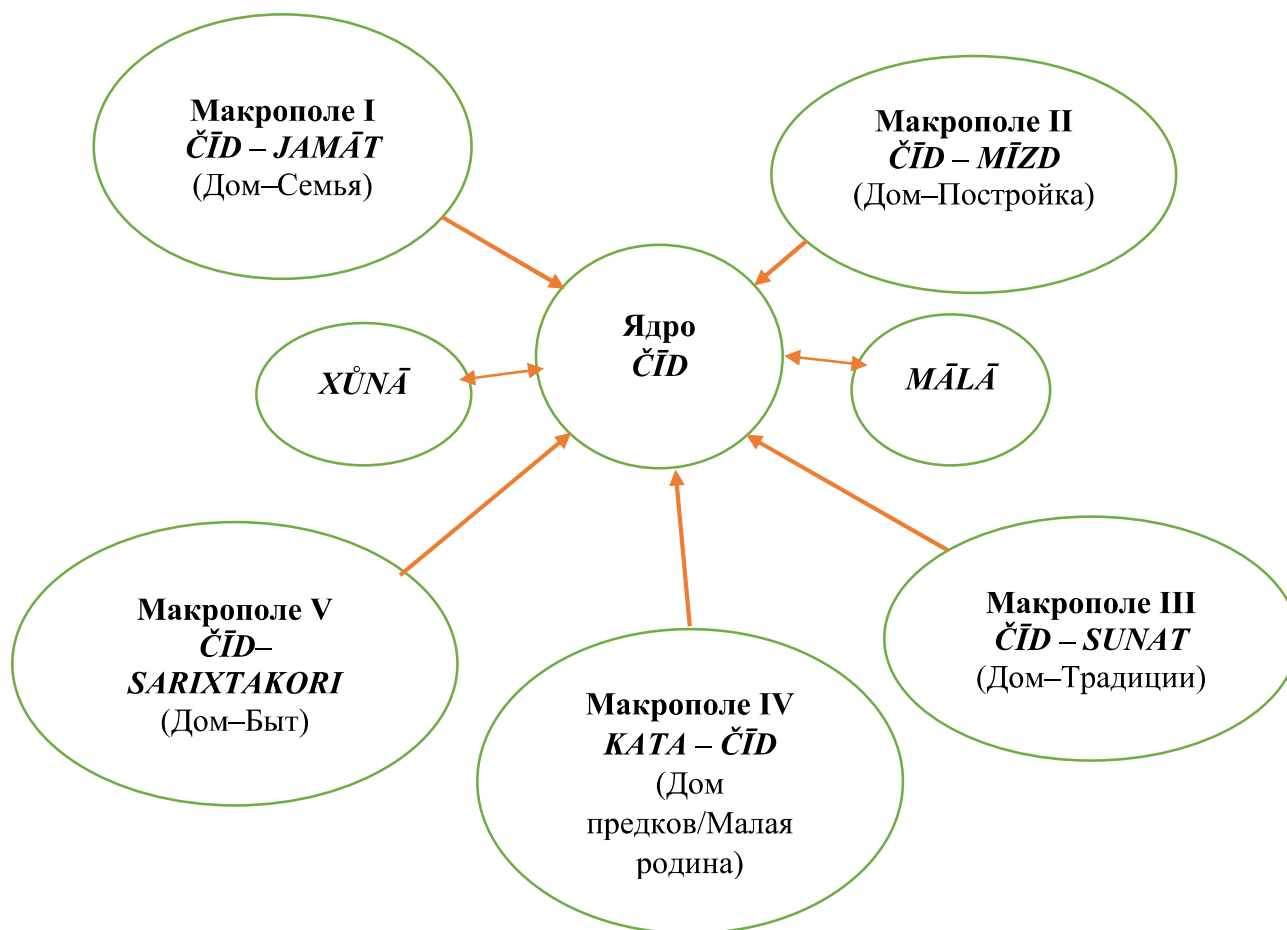
Распределение материала по зонам модели проводилось не по заранее заданной схеме, а с учётом того, как сами языковые единицы функционируют в материале: насколько устойчиво они повторяются, какие значения закрепляют и участвуют ли в формировании других смысловых участков концепта. Поэтому ядро модели составляют не просто самые общие названия дома, а те единицы, через которые регулярно раскрываются основные признаки ДОМа. Вокруг ядра группируются зоны, связанные с семьёй, родом, хозяйством, традицией, внутренним устройством жилища, границей и защитой. Одни компоненты постоянно возвращаются в разных типах материала и образуют устойчивые смысловые центры, другие проявляются главным образом в отдельных культурных ситуациях и формируют периферийные участки модели. Такой подход позволяет показать концепт ДОМ не как перечень слов, а как живую систему взаимосвязанных значений, где языковая форма, бытовой опыт и культурная память работают вместе.

В центре модели находится ядерная зона, представленная базовыми номинациями *čīd*, *xīnā* и *mālā*. При этом данные единицы не занимают одинакового положения. Лексема *čīd* выступает прототипически доминантной, поскольку охватывает наибольший круг контекстов и соединяет физическое значение дома с социальными, семейно–родовыми и культурно значимыми смыслами. Через *čīd* дом обозначается не только как постройка или место проживания, но и как пространство семьи, рода, внутреннего порядка, памяти и защищённости. Лексемы *xīnā* и *mālā* входят в ядерную область как конкурирующие номинации общего значения ‘дом/жилище’, однако их функции уже: они чаще связаны с прямым обозначением физического объекта, бытовой ситуации или пространственной отнесённости.

Такое распределение важно для всей модели, поскольку оно показывает внутреннюю неоднородность даже самой центральной зоны концепта. Ядро не является простым набором синонимов: внутри него уже видна иерархия, где *čīd* задаёт основной культурно–семантический центр, а *xīnā* и *mālā* уточняют отдельные участки значения. Благодаря этому модель позволяет объяснить, почему в одних контекстах возможна замена базовых номинаций, а в других такая замена нарушает смысловой или культурный оттенок высказывания.

Схема 1.

Когнитивно–семантическая модель концепта ДОМ в шугн.–руш. группе памирских языков

*Когнитивно–семантическая модель концепта ДОМ составлена автором на основе собственной классификации и анализа языкового материала шугн.–руш. группы.

Приядерная и периферийные зоны модели формируются за счёт названий частей дома, внутренних помещений, хозяйственного пространства, родовой принадлежности, границы, защитных действий и ритуально значимых элементов традиционного жилища. Эти единицы не всегда называют дом прямо, но постоянно удерживают связь с ним через устойчивые ситуации: жить в доме, возвращаться домой, принимать гостя, переходить порог, охранять пространство, поддерживать очаг, сохранять связь с родовым местом. Поэтому модель показывает не только состав лексики, но и то, как разные смысловые зоны собираются вокруг концепта ДОМ как центрального культурного образа.

В таком виде когнитивно–семантическая модель выполняет в работе объяснительную функцию. Она позволяет представить концепт ДОМ не как перечень слов и значений, а как внутренне организованную систему, где лексико–семантические, морфологические и коллокационные средства языка соотносятся с устойчивыми культурными и когнитивными структурами. Именно на этой основе далее становится возможным последовательное описание макрополей, морфологических моделей, устойчивых сочетаний и символично–ценностных элементов традиционного памирского дома.

Вокруг ядра формируется система макрополей, каждое из которых фиксирует устойчивый ракурс концептуализации дома. Приоритетное

положение занимает макрополе *ĀĪD-JAMĀT* 'Дом-Семья', в рамках которого дом осмысляется как пространство родовой, социальной и ценностной организации жизни. Макрополе *ĀĪD-MĪZD* 'Дом-Постройка' отражает представления о доме как результате коллективного труда и материальной структуры. В макрополе *ĀĪD-SUNAT* 'Дом-Традиции' закрепляются ритуальные, нормативные и сакральные аспекты домашнего пространства. Макрополе *KATA-ĀĪD* 'Дом предков / Малая родина' репрезентирует связь дома с памятью рода и пространством происхождения. Наконец, макрополе *ĀĪD-SARIXTAKORI* 'Дом-Быт' описывает повседневную хозяйственную и жизненную организацию дома.

Первым и наиболее значимым в данной модели выступает макрополе *ĀĪD-JAMĀT* 'Дом-Семья'. Его приоритетное положение связано с тем, что в шугн.-руш. традиции дом осмысляется прежде всего как пространство семьи, родовой преемственности и социальной организации жизни. В этом макрополе ДОМ не сводится к постройке или месту проживания. Он выступает как среда, где формируются и сохраняются семейные связи, распределяются роли, поддерживаются нормы поведения и передаётся представление о принадлежности к своему роду. Поэтому сочетание *āīd-jamāt* показывает не простое сближение двух понятий, а устойчивую связь дома с семьёй как основной формой человеческой и социальной укоренённости. Внутри этого макрополя особенно важны номинации и конструкции, связанные с родством, отцовским и дедовским домом, домашней общностью, мужским и женским началом, а также с теми ценностными признаками, через которые дом воспринимается как место продолжения рода, внутренней ответственности и морального порядка. Такое понимание делает *ĀĪD-JAMĀT* центральным смысловым участком ближней периферии концепта ДОМ и объясняет, почему именно с него начинается описание макрополей в когнитивно-семантической модели.

Макрополе *ĀĪD-MĪZD* 'Дом-Постройка' раскрывает дом как результат целенаправленного труда и коллективно организованного действия. В этом поле важен не только готовый дом, но и сам процесс его становления: выбор места, подготовка материалов, возведение основных частей, распределение обязанностей между участниками строительства. В диссертации это макрополе описывается через микрополя *Āīd-mīzd injūm* 'подготовка к постройке', *Āīd qismaten* 'части дома', *Āīd-mīzd* 'процесс постройки' и *Mozījen* 'участники постройки'. Такой состав показывает, что строительство дома в шугн.-руш. традиции воспринимается не только как техническая работа, но и как социально значимое событие, где у каждого участника есть своя роль. На это указывают, например, номинации *soyibxūna* 'хозяин дома', *kiryargār-en* 'соседи-помощники', *puxtāngār* 'готовящий пищу'. Через них дом осмысляется как пространство, возникающее благодаря совместному труду, взаимной помощи и нормативно закреплённому порядку действий.

Макрополе *ĀĪD-SUNAT* 'Дом-Традиции' фиксирует те смыслы, в которых дом связан с ритуальными, нормативными и сакральными

представлениями. В этой зоне ДОМ выступает не просто как место проживания, а как пространство, где сохраняются правила поведения, охранительные действия, благословения, семейные и обрядовые практики. Именно здесь особенно заметно, что традиционный дом в шугн.–руш. картине мира имеет не только бытовую, но и ценностную организацию: отдельные элементы жилища, действия при входе, строительстве, защите дома и обращении с его внутренними зонами получают культурно значимую интерпретацию. Поэтому макрополе *ČĪD–SUNAT* связывает дом с нормой, преемственностью и представлением о правильном устройстве жизни внутри домашнего пространства. В общей структуре концепта оно показывает, что традиция не существует рядом с домом, а закрепляется в самом способе его языкового и культурного осмысления.

Макрополе *KATA–ČĪD* ‘Дом предков / Малая родина’ занимает особое место в модели, потому что выводит значение дома за пределы конкретного жилища. В шугн.–руш. материале оно представлено сочетаниями шугн. *kata čīd*, руш., хуф., барт. *kona–čod*, которые буквально соотносятся со значениями ‘большой дом’ и ‘старый дом’, но в концептуальном плане обозначают ‘дедовский дом’, ‘дом предков’, ‘малую родину’. В этой зоне дом осмысливается как место происхождения, родовая основа и часть родной земли. Первая часть сочетаний, например, шугн. *kata*– ‘большой’ и руш. *kona*– ‘старый’, передаёт не только размер или возраст, а смысл истоков, памяти и принадлежности к роду. Поэтому макрополе *KATA–ČĪD* связывает физическое пространство дома с коллективной памятью, родовой идентичностью и эмоциональной привязанностью к месту происхождения.

В этом же макрополе важную роль играют устойчивые выражения *dod čīd*, *ped čod* ‘отцовский дом’, *boboyi čīd*, *boboyi čod* ‘дом предков’, *dod zamīn*, *ped zamīn* ‘отцовская земля’, *bob zamīn*, *būb zamīn* ‘земля предков’. Эти единицы показывают, что дом и земля в шугн.–руш. языковом сознании сближаются как знаки происхождения, преемственности и уважения к предкам. Поэтому разрушение родового дома воспринимается не только как утрата постройки, но и как нарушение связи поколений. Это отражается в негативно маркированной конструкции шугн. *čīd pat čīdow*, руш. *čod pat čegow* ‘сносить дом’, а также в обрядовой формуле *ba nūmi arwogūn xidoysi čīdow* ‘жертвование во имя духа предка’, связанной с ситуацией, когда родовой дом всё же подлежит сносу.

Макрополе *ČĪD–SARIXTAKORI* ‘Дом–Хозяйство’ раскрывает дом как центр повседневного уклада, труда и материального обеспечения семьи. В этом поле дом представлен не только через жилое пространство, но и через хозяйственные постройки, места хранения, содержания скота, распределения припасов и выполнения домашних обязанностей. В диссертации подчёркивается, что данное макрополе показывает связь дома с трудом, порядком, бережливостью и устойчивостью семейной жизни. Хозяйственная организация здесь имеет не только практическое, но и ценностное значение: благоустроенность дома, наличие хозяйственных зон и правильное

распределение ресурсов воспринимаются как признаки устойчивости семьи, заботы о доме и уважительного отношения к родовому пространству. Поэтому *ĀID–SARIXTAKORI* завершает систему макрополей как зона, где концепт ДОМ раскрывается через ежедневную работу, хозяйственную ответственность и поддержание жизненного порядка.

Такая модель позволяет представить концепт ДОМ не как совокупность разрозненных значений, а как внутренне упорядоченную систему, в которой отдельные номинации, устойчивые сочетания, морфологические модели и культурно значимые элементы связаны между собой общей смысловой логикой. В центре этой системы находится ядерная зона с базовыми номинациями *āid*, *xinā* и *mālā*, однако их положение не одинаково: *āid* выступает прототипическим обозначением дома и объединяет физические, семейно–родовые и социально–экзистенциальные аспекты, тогда как *xinā* и *mālā* пересекаются с ним лишь в части значений и чаще ориентированы на прямое обозначение жилища или пространственной отнесенности.

Вокруг ядра располагаются макрополя, каждое из которых раскрывает отдельный, но устойчивый ракурс концептуализации дома: семья, постройка, традиция, родовая память, малая родина, быт и хозяйственный порядок. Поэтому схема показывает не только состав поля, но и его внутреннюю иерархию. Ближняя периферия включает те зоны, которые наиболее тесно связаны с жизнью дома и сохраняют высокую культурную значимость; дальняя периферия объединяет более частные или контекстно ограниченные единицы. Такой принцип важен для всей главы, потому что он позволяет увидеть, какие смыслы занимают центральное место в шугн.–руш. языковой картине мира, а какие проявляются в отдельных ситуациях, обрядах, хозяйственных действиях или локальных номинациях.

В результате модель выполняет не только описательную, но и объяснительную функцию. Она показывает, как лексико–семантические данные связаны с морфологическими и коллокационными средствами языка, а языковые формы с устойчивыми культурными и когнитивными структурами. Через неё становится видно, что ДОМ в шугн.–руш. материале организует вокруг себя несколько уровней значения: предметный, пространственный, семейно–родовой, хозяйственный, ритуальный и ценностный. Именно поэтому дальнейший анализ устойчивых выражений, притяжательных конструкций, морфологических моделей и символически значимых элементов традиционного дома опирается не на отдельные примеры, а на уже установленную полевую структуру концепта.

Существенную часть главы составляет анализ устойчивых выражений, паремий и местоименно–притяжательных конструкций, через которые концепт ДОМ выходит за пределы прямой предметной номинации. В этих единицах дом представлен не только как место проживания, а как пространство жизни, памяти, благословения, семейной связи и морального порядка. Особенно важны те выражения, в которых ДОМ соотносится с родом, предками, благополучием и внутренней устойчивостью семьи. Так, сочетания

piyīl sudjin čīd ‘благословенный дом’, *kata-čīd* ‘дом предков’, *boboyi čīd* ‘дедовский дом’ показывают, что дом в шугн.-руш. языковом сознании воспринимается как место, где сохраняется связь поколений и поддерживается представление о правильном, защищённом и уважаемом пространстве.

В этой же зоне раскрывается ценностная нагрузка устойчивых выражений с компонентом ДОМ. Они распределяются по жизненно важным, религиозно-обрядовым и морально-эстетическим группам. Одни выражения связаны с благополучием, покоем и достатком дома, другие с обрядами, благословением и защитой, третьи с оценкой поведения человека по отношению к дому и роду. Поэтому даже внешне простые сочетания могут нести более глубокий смысл. Например, конструкция *čīd pat čīd* ‘сносить дом’ в обычном значении может обозначать хозяйственное действие, но в контекстах, связанных с родовым домом, она получает отрицательную оценку: разрушение дома воспринимается уже не только как утрата постройки, а как нарушение связи с предками, родовой памятью и нравственным основанием семьи.

Особое значение имеют местоименно-притяжательные конструкции с лексемой *čīd*. Сочетания *mi čīd* ‘мой дом’, *māš čīd* ‘наш дом’, а также *mi joy-at makūn* ‘мой край’, *māš joy-at makūn* ‘наш край’ выражают не только грамматическую принадлежность. В них передаётся личная и коллективная включённость человека в домашнее и родовое пространство. При этом для шугн.-руш. традиции особенно показательна форма коллективной принадлежности: дом часто мыслится не как индивидуальная собственность одного человека, а как общее пространство семьи, братьев, потомков и родовой линии. Поэтому *māš čīd* ‘наш дом’ передаёт более широкий смысл, чем простое указание на владельца: это формула сопричастности, общей памяти и семейной ответственности.

Таким образом, устойчивые выражения и притяжательные конструкции завершают описание семантического пространства концепта ДОМ во второй главе. Они показывают, что дом в шугн.-руш. материале осмысливается не только через базовые номинации и макрополя, но и через живые речевые модели, где закреплены представления о своём месте, родовой связи, благословении, защите и нравственном порядке. Благодаря этому концепт ДОМ получает полный смысловой объём: от названия жилища и его частей до образа дома как святого, родового и эмоционально переживаемого пространства.

В третьей главе «Морфологические и коллокационные аспекты концепта ДОМ» анализ переносится с уровня лексико-семантического поля на уровень устойчивых формальных моделей, через которые концепт ДОМ закрепляется в языке. Если во второй главе была показана полевая организация доменной зоны и установлено центральное положение лексемы *čīd* ‘дом’ по отношению к *xūnā* ‘дом, жилище’ и *mālā* ‘дом, жилище’, то в третьей главе рассматривается, как эти опорные единицы ведут себя в повторяющихся сочетаниях, морфологических образованиях и синтаксически

оформленных конструкциях. Такой переход важен для всей логики диссертации: он показывает, что концепт ДОМ представлен не только набором слов и значений, но и устойчивыми способами языкового оформления, через которые регулярно выражаются признаки пространства, принадлежности, функции, оценки и социально–родовой связи.

В центре главы находятся морфологические, лексико–морфологические и коллокационные паттерны, связанные с домово́й сферой. Они позволяют увидеть, какие значения закрепляются за отдельными формами не случайно, а в силу их регулярного употребления в шугн.–руш. материале. Так, одни модели описывают дом как место проживания и внутренней организации пространства, другие связывают его с родом, семьёй и наследуемой принадлежностью, третьи указывают на функциональные помещения, хозяйственные зоны, строительство, перемещение, отсутствие дома или оценочное отношение к нему. Поэтому в третьей главе формальный анализ не отделяется от смыслового: морфологическая форма, составное образование или устойчивая коллокация рассматриваются как способ выявления того, как носители языка членят и осмысляют домашний мир.

Особое значение имеет сопоставление трёх опорных лексем: *ċīd*, *xūnā* и *mālā*. В диссертации показано, что они различаются не только по семантическому объёму, но и по профилям сочетаемости. *ċīd* устойчиво связано с социально–родовыми, оценочными и культурно значимыми контекстами; *xūnā* чаще включается в событийные и функциональные образования; *mālā* тяготеет к локативным, переходным и строительным значениям. Благодаря этому третья глава уточняет результаты второй главы: различие между базовыми номинациями дома проявляется не только в их значении, но и в тех моделях, где они регулярно употребляются.

В методологическом отношении глава опирается на разграничение устойчивых коллокаций и фразеологических единиц в русскоязычной традиции²⁹, а также на понимание языковой формы как носителя концептуального содержания в духе когнитивной грамматики Р. Лэнгакера³⁰ и когнитивной семантики Л. Талми³¹. Эти позволяют рассматривать форму не как внешний технический показатель, а как средство смысловой организации материала. Поэтому морфологические и коллокационные модели в третьей главе описываются не ради самой классификации, а как языковые механизмы, через которые в шугн.–руш. группе языков профилируются ключевые признаки концепта ДОМ: центр, граница, принадлежность, внутреннее пространство, хозяйственная функция, родовая связь и нормативный порядок.

В первом разделе главы показано, что три базовые лексемы *ċīd* ‘дом’, *xūnā* ‘дом, жилище’ и *mālā* ‘дом, жилище’ обладают разными профилями сочетаемости и по–разному участвуют в языковом развёртывании концепта

²⁹ Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

³⁰ Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 573 p.

³¹ Talmy Leonard. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1–2. Cambridge, **ПОДХОДЫ** МА: MIT Press, 2000. – 565 pp.

ДОМ. Это различие проявляется не только в значении самих слов, но и в том, какие модели они образуют, с какими компонентами соединяются и какие стороны домашнего пространства через них чаще всего актуализируются. Поэтому сопоставление *čīd*, *xūnā* и *mālā* в третьей главе продолжает выводы второй главы, но переводит их на более точный уровень: от общей семантики к устойчивым коллокационным и лексико–морфологическим паттернам.

Для *čīd* особенно характерны модели, связанные с оценочной семантикой, социально–родовой принадлежностью и культурно значимым пониманием дома. Именно эта исконная номинация устойчиво входит в сочетания типа *kata čīd* ‘большой дом; дедовский дом’, *dod čīd* ‘отцовский дом’, *čīd–jamāt* ‘дом–семья; домашняя общность, семья’. В этих моделях дом осмысливается не просто как постройка, а как пространство рода, семьи и совместной жизни. Поэтому *čīd* сохраняет наиболее широкий смысловой объём: оно может обозначать физический дом, домашний мир, родовое пространство, место семейной памяти и социально признанную принадлежность. В этом ряду особенно важно, что сочетания с *čīd* часто выходят за пределы бытовой номинации и переходят к ценностному описанию дома.

Лексема *xūnā* имеет другой профиль. Она чаще тяготеет к событийно–функциональным и структурным композитам, таким как *yām–xūnā* ‘траурный дом’, *sūr–xūnā* ‘дом, где свадьба’, *kasal–xūnā* ‘больница’, *qūš–xūnā* ‘гостевая комната’, *bolo–xūnā* ‘верхняя комната’. В этих моделях дом интерпретируется прежде всего, как место определённой ситуации, события или функционально выделенного пространства. Поэтому *xūnā* не несёт той же социально–родовой нагрузки, что *čīd*, но активно участвует в обозначении помещений, учреждений, внутренних зон и ситуационно маркированных локусов. Через этот ряд хорошо видно, как значение ‘дом’ переходит к значению места, предназначенного для определённого действия, состояния или социальной практики.

Ряд *mālā*, напротив, характеризуется более компактным коллокационным профилем. Эта лексема чаще поддерживает пространственные, приватативные и строительные значения: *mālā–yard* ‘в доме’, *mālā tar mālā* ‘из дома в дом’, *be–mālā* ‘без дома’, *mālā–mīzd* ‘постройка дома’. В отличие от *čīd*, она реже развивает социально–родовые и символические смыслы, а в отличие от *xūnā* не образует столь широкого ряда событийно–функциональных композитов. Её роль связана прежде всего с локализацией, перемещением, наличием или отсутствием дома, а также с обозначением строительного действия. Поэтому *mālā* закрепляет в концепте ДОМ более прямую пространственную и практическую линию.

Сопоставление трёх рядов показывает, что различия между *čīd*, *xūnā* и *mālā* имеют системный характер и не сводятся к обычной синонимии. Каждая из этих лексем закрепляет за собой свой участок домовой сферы. *Čīd* занимает наиболее сильную позицию, поскольку через него дом осмысливается как пространство семьи, рода, памяти и культурной принадлежности. В

сочетаниях с этой лексемой особенно заметны социально–родовые и оценочные смыслы: дом выступает не только как место проживания, но и как знак происхождения, семейной общности и внутреннего порядка.

Лексема *xīnā* раскрывает другую сторону концепта. Она чаще включается в модели, где дом понимается как место события, состояния или определённой функции. Поэтому в её коллокационном профиле важны не столько родовые и символические признаки, сколько ситуативная и функциональная организация пространства. Через такие образования обозначаются помещения, учреждения, места обряда, болезни, свадьбы, гостевого пребывания или другого социально значимого действия. В этом ряду дом выступает как локус, связанный с конкретной жизненной ситуацией.

Лексема *mālā* имеет более узкий, но устойчивый профиль. Она поддерживает прежде всего локативные, переходные, приватативные и строительные значения. Через неё актуализируются пребывание в доме, движение из одного дома в другой, отсутствие дома или сам процесс его постройки. Поэтому *mālā* важна не как носитель широкой символики, а как средство обозначения пространственной отнесённости и практического отношения к дому.

Таким образом, три базовые номинации ДОМ не дублируют друг друга, а распределяют между собой разные способы языковой концептуализации домашнего пространства. *Īd* связывает дом с родом, семьёй и культурной памятью; *xīnā* с событием, функцией и внутренней организацией пространства; *mālā* с локализацией, перемещением, отсутствием или строительством дома. Такое распределение подтверждает, что коллокационный анализ позволяет увидеть не только сочетаемость отдельных слов, но и более глубокую смысловую структуру концепта ДОМ. Именно поэтому дальнейший анализ морфологических и лексико–морфологических моделей в главе опирается на уже выявленное различие между тремя опорными рядами.

Во втором разделе главы морфологические и лексико–морфологические модели рассматриваются не как внешний формальный слой, а как один из способов регулярного выражения признаков концепта ДОМ. На материале опорных единиц доменной зоны выделяются несколько устойчивых типов: непроизводные номинации элементов жилища, суффиксальные ряды, композитные образования, модели с компонентом *jīc / jæs / jec*, а также именные, предикативные и послеложно–клитические конструкции. Такой порядок анализа позволяет показать, что морфологическая организация домового лексикона связана не только с образованием слов, но и с тем, как в языке закрепляются представления о внутреннем устройстве дома, его частях, функциональных помещениях, хозяйственных зонах и действиях, связанных с домашним пространством.

Непроизводные номинации образуют исходный слой описания. К ним относятся названия основных элементов жилища, которые воспринимаются как самостоятельные единицы и не требуют дополнительного

словообразовательного объяснения. Именно этот слой даёт первичную предметную основу концепта ДОМ: дом представлен через его части, внутренние зоны, опорные элементы и пространственные ориентиры. Однако уже на этом уровне видно, что отдельные названия не являются нейтральными техническими обозначениями. Многие из них связаны с традиционным устройством памирского дома и поэтому несут не только предметное, но и культурно значимое содержание.

Суффиксальные модели показывают другой уровень организации материала. В шугн.-руш. группе языков особенно важны ряды с формантами *-dün / -don / -donz*, *-ak / -ik*, *-ej / -ij*, *-īj / -ōj / -ōj / -oj*. Эти форманты участвуют в обозначении места, вместилища, малой формы, принадлежности к определённой функции или локусу. Поэтому суффиксация в данном разделе рассматривается не просто как технический способ образования слов, а как средство уточнения пространственного и функционального признака. Через такие модели язык различает, где находится предмет, для чего предназначено помещение, как соотносится часть дома с целым и какое место она занимает в домашнем устройстве.

Композитные образования и модели с компонентом *jīc / jāc / jec* особенно важны для описания функциональной сегментации дома. Они показывают, что внутреннее пространство жилища осмысливается через назначение отдельных зон: место для гостей, хранения, проживания, хозяйственных действий, обрядовых или бытовых ситуаций. В таких образованиях первый компонент обычно задаёт предметный, событийный или функциональный признак, а второй связывает его с пространством дома. Поэтому подобные модели позволяют увидеть, как в языке оформляется не просто помещение, а помещение с определённой ролью внутри домашнего мира.

Именные, предикативные и послеложно-клитические конструкции расширяют описание концепта ДОМ за пределы отдельного слова. Через них выражаются локализация, движение, пребывание, строительство, разрушение, ведение хозяйства, принадлежность и поведение в статусно значимых частях дома. Эти конструкции важны потому, что показывают дом в действии: в него входят, из него выходят, его строят, поддерживают, делят на зоны, связывают с семьёй и хозяйством. Поэтому грамматически оформленные модели добавляют к описанию дома не только пространственный, но и ситуационный, социальный и нормативный план.

В совокупности эти типы показывают, что морфологическая и лексико-морфологическая организация материала непосредственно связана с когнитивной разметкой домашнего мира. Форманты, композиты, конструкции с постпозитивами и клитиками помогают распределить значения внутри концепта ДОМ: где дом понимается как место, где как вместилище, где как действие, где как хозяйственная зона, а где как пространство нормы и принадлежности. Поэтому второй раздел третьей главы раскрывает не просто набор словообразовательных моделей, а устойчивые языковые способы, через

которые шугн.-руш. материал оформляет представление о доме как структурированном, функциональном и культурно значимом пространстве.

Особое место в главе занимает анализ повторяющихся формальных показателей как интерпретативно-семантических маркеров внутри доменной зоны. В данном случае суффиксы, композитные модели, постпозитивы и клитики рассматриваются не только как средства оформления слова или конструкции, но и как показатели того, под каким углом осмысляется дом. Через них в языке уточняется, идёт ли речь о размере, близости, функции, локализации, принадлежности, действии или статусе домашнего пространства. Поэтому формальные элементы в третьей главе описываются в связи с теми смысловыми признаками, которые они регулярно выводят на первый план.

Так, диминутивные формы *čīd-ak* 'домик', *xīnā-yak* 'небольшой дом', *mālā-yak* 'домик', *čīd-buc* 'маленький дом', *čīd-buc-ak* 'маленький домик' передают не только размерный признак. Они вводят оценочную перспективу, в которой домашний локус может восприниматься как малый, близкий, освоенный, ласкательно обозначенный или, в зависимости от контекста, сниженный. Важно, что эти формы образуются средствами суффиксации и аналитического уточнения размера, поэтому они описываются именно как диминутивные и оценочные модели. Их значение связано не с общей символикой дома, а с конкретным способом языкового уменьшения или эмоционального приближения объекта.

Иной характер имеет модель *kata čīd* 'большой дом; дедовский дом'. В главе она не интерпретируется как простая аугментативная форма, поскольку здесь нет специального увеличительного суффикса. Компонент *kata* 'большой' в таком сочетании выходит за пределы прямого размерного значения и связывает дом с родовым статусом, старшинством, памятью предков и представлением о доме как наследуемом пространстве. Поэтому *kata čīd* соотносится не с противопоставлением «маленький дом – большой дом» в обычном размерном смысле, а с особым типом дома, который воспринимается как дом рода, дом старших, дедовский дом. В этом отношении используются данные Д. Карамшоева³² и сопоставительный материал З. Назаровой по другим памирским языкам³³.

Такое разграничение принципиально важно для всей главы. Диминутивные формы показывают, как язык выражает малый размер, близость или оценочную окраску домашнего пространства, тогда как *kata čīd* выводит значение дома в социально-родовую плоскость. В первом случае работает модель уменьшения и оценки, во втором модель родовой значимости. Поэтому эти явления нельзя объединять в одну линию «уменьшение/увеличение»: они принадлежат к разным уровням интерпретации концепта ДОМ.

³² Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь, Том 3. – Москва: Восточная литература РАН, 1999. – 568 с.

³³ Назарова, З. Памирский дом в контексте культуры / З. Назарова // Научный альманах. Традиционная культура, февраль 2009. – № 2. – С. 48–57.

К интерпретативно–семантическим маркерам относятся также композитные образования, постпозитивные и клитические конструкции, через которые дом описывается как место действия, направление движения, внутренняя зона, объект строительства или пространство принадлежности. Такие модели показывают, что формальные показатели в шугн.–руш. материале не являются нейтральным техническим слоем. Они помогают распределить значения внутри концепта ДОМ: одни формы выделяют дом как малый или близкий объект, другие как родовое пространство, третьи как функциональное помещение, локус действия или часть хозяйственного уклада. Благодаря этому третья глава показывает, что морфологическая и коллокационная организация материала напрямую связана с тем, как носители языка членят и интерпретируют домашний мир.

В итоге третья глава показывает, что морфологические и коллокационные особенности доменной лексики имеют не вспомогательное, а концептообразующее значение. Через устойчивые паттерны шугн.–руш. языки фиксируют не только названия дома и его частей, но и способы его осмысления в традиционной картине мира. Особенно важны здесь модели при опорных лексемах *čīd*, *xūnā* и *mālā*: они показывают, что ДОМ воспринимается не как единый неделимый объект, а как пространство с внутренними зонами, функциями, границами, принадлежностью и социальным смыслом. Суффиксальные образования, сложные номинации, сочетания со служебными показателями и клитиками помогают выделить помещение, вместилище, место действия, направление движения, хозяйственную функцию, малый размер, родовую связь или оценочное отношение. Поэтому формальная организация материала прямо участвует в раскрытии содержания концепта. Она показывает, какие признаки ДОМа регулярно повторяются в языке и потому являются устойчивыми для носителей: внутренний порядок, защита, локализация, принадлежность, род и связь человека с домашним пространством.

В четвёртой главе «Когнитивно–семантические и прагматические аспекты представления концепта ДОМ» внимание сосредоточено на тех слоях доменной семантики, где особенно ясно проявляются ценностные, нормативные и культурно значимые смыслы. Если во второй главе была описана лексико–семантическая и полевая организация концепта ДОМ, а в третьей его морфологические и коллокационные модели, то в четвёртой главе дом рассматривается как пространство границы, защиты, внутреннего порядка и социальной регуляции. Здесь важны уже не только номинации и модели их сочетаемости, но и те участки традиционного дома, через которые носители осмысливают допуск, запрет, открытость, закрытость, благополучие, статус и правильное поведение внутри домашнего пространства.

Такой переход закономерен для общей логики диссертации. После описания семантической структуры и формальных моделей необходимо показать, какие культурные смыслы закрепляются за ключевыми зонами дома: порогом, дверью, входным комплексом, очагом, внутренними опорами,

верхним световым отверстием и почётным местом. В этом аспекте глава опирается не только на собственно шугн.–руш. материал, но и на более широкий сравнительный фон, позволяющий осмыслить порог и входную зону как культурно маркированный рубеж между внутренним и внешним, «своим» и «чужим», безопасным и потенциально опасным, что соответствует наблюдениям А. ван Геннепа³⁴, А. К. Байбурина³⁵, а в локальном плане подтверждается этнографическими данными М. С. Андреева³⁶.

В результате четвёртая глава переводит анализ концепта ДОМ в плоскость культурной интерпретации. Дом здесь предстает не только как жилище и не только как поле лексических значений, а как нормативно организованное пространство, где каждая значимая зона имеет свою функцию: порог регулирует переход и допуск, дверь выражает режим открытости или закрытости, обереги поддерживают защиту, а внутренние элементы традиционного дома задают порядок, статус и ценностную иерархию. Такой ракурс позволяет показать, что пространственная структура дома в шугн.–руш. традиции тесно связана с представлениями о защите, благословении, родовой памяти и устойчивости семейной жизни.

В первой части главы показано, что в шугн.–руш. языковой картине мира порог, шугн. *pidīnd*, руш. *radēnd*, хуф. *radīnd*, бр. *radēnd*, рош. *radēn*, сар. *radīng* ‘порог’, и входной комплекс в целом функционируют как зона повышенной нормативной и ритуальной чувствительности. Через устойчивые выражения и формульные высказывания порог репрезентируется как место допуска, отказа, ухода, возвращения и контроля границы: *tar pidīnd weddow* ‘впустить на порог, в дом’, *tar pidīnd nolākčidow* ‘не пускать на порог, в дом’, *as pidīnd naχtīdow* ‘выйти за порог, уйти из дома’, *tar xu pidīnd xu weddow* ‘дойти до своего порога, до своего дома’. Уже на этом уровне видно, что порог осмысляется не как нейтральная часть строения, а как рубеж, через который оформляются основные отношения между внутренним и внешним пространством дома.

Особенно важно, что в этих выражениях порог связан не только с физическим переходом, но и с социальным признанием или непризнанием человека. Впустить на порог значит допустить в домашний мир, признать право на приближение, контакт и участие в пространстве семьи. Не пустить на порог, напротив, означает установить дистанцию, отказать в доступе, подчеркнуть чуждость или нежелательность. Поэтому порог в языковом материале оказывается тесно связанным с представлениями о близости и отчуждении, принятии и отвержении, возвращении и утрате связи с домом. В

³⁴ Арнольд Ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Арнольд Ван Геннеп. — М.: Восточная литература РАН, 1999. — 200 с.

³⁵ Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре (Структурно–семантический анализ восточнославянских обрядов) / А.К. Байбурин. — СПб.: — Наука, 1993. — 253 с.

³⁶ Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму–Дарьи). Вып. I. / М.С. Андреев. — Сталинабад: Изд–во АН ТаджССР, 1953. — 247 с.; Андреев, М.С. Таджики долины Хуф / М.С. Андреев. Под ред. Э. Кочумкуловой. — Вып. I–II. / М.С. Андреев. Переизд. Б.: ОсОО ‘Джем Кей Джи’, 2020. — 794 с.

этом смысле он выступает не просто пространственной границей, а социально и аксиологически значимой точкой домашнего мира.

Ту же логику поддерживают оценочные и запретительные формулы: *poḍpiḍīnd zēxtow* ‘букв. брать порог; надоедать частыми посещениями’, *piḍīnd ti ta na-niḡ-en* ‘на пороге нельзя сидеть / нельзя наступать’, *fiḡtazan-ti ta tar piḍīnd nadeḡ-en* ‘задыхаясь, не переступают порог’. В этих высказываниях особенно отчётливо проявляется нормативный статус порога. Он воспринимается как участок, требующий осторожного и правильного поведения, поскольку нарушение границы затрагивает не только порядок движения, но и благополучие дома. Поэтому входная зона в целом мыслится как наиболее уязвимый и одновременно наиболее регулируемый участок жилища, где концентрируются представления о защите, допустимости, домашнем порядке и сохранении *barakati xūnā* ‘благодати дома’.

Отдельный раздел посвящён двери как самостоятельному элементу входного комплекса. Если порог в шугн.-руш. материале прежде всего связан с переходом, допуском и пересечением границы, то дверь показывает другой аспект домашнего пространства, т.е. режим его открытости или закрытости. Через дверь выражается не только физическая возможность войти в дом, но и характер отношений между хозяевами и внешним миром: доверие, доступность, отчуждённость, осторожность или отказ от общения.

Формулы *čust divi* ‘закрытая дверь’, *divi luk* букв. ‘дверь ключ’, ‘дверь на замке’, *divi sankili* ‘дверь, закрытая изнутри’ в шугн.-руш. употреблении несут не только предметное значение. Они могут передавать и прагматическую оценку: закрытая или запертая дверь воспринимается как знак замкнутости дома, нарушения привычной открытости, ослабления соседской и родственной доступности. Это особенно ясно видно в высказывании *wef divi tudum čust* ‘их дверь всегда закрыта’, где характеристика двери одновременно становится характеристикой хозяев и их отношения к людям.

Показательно и выражение *dar bastā* ‘закрытая дверь’, восходящее к тадж. *dari basta*. По данным Д. Карамшоева³⁷, в шугн.-руш. материале оно переходит в сферу резко отрицательных значений: ‘гибель’, ‘смерть целой семьи’, ‘вот беда!’. Такая семантика показывает, что закрытая дверь может восприниматься не просто как бытовая деталь, а как знак нарушенного жизненного порядка. В традиционном понимании дом должен сохранять защищённость, но при этом не терять связи с семьёй, соседями, гостями и общиной.

Таким образом, дверь в языке выступает не нейтральной частью дома, а показателем состояния домашнего мира. Она фиксирует границу между открытостью и закрытостью, доверием и дистанцией, нормальным порядком жизни и его нарушением. В этом смысле анализ двери дополняет описание порога: порог обозначает сам рубеж перехода, а дверь показывает, открыт ли этот рубеж для другого человека и в каком состоянии находится дом как социальное и ценностное пространство.

³⁷ Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь. Т. I. – М.: Наука, 1988. – 576 с.

Значительное место в главе занимает анализ лексики оберегов, защитных действий и словесных формул. На этом материале показано, что в шугн.–руш. языковой картине мира дом мыслится как пространство, которое должно постоянно охраняться. Защита дома выражается не одним способом, а через несколько взаимосвязанных форм: предметные обереги, ритуально значимые действия и вербальные формулы. Все они направлены на сохранение внутреннего порядка, благополучия семьи и границы между безопасным домашним пространством и внешней угрозой.

Защитная семантика особенно заметна в тех зонах дома, которые воспринимаются как уязвимые: у порога, во входном комплексе, у верхнего проёма *riž* ‘световое отверстие на крыше традиционного дома’, в очаговой области и у внутренних опор. В этих местах могут размещаться или использоваться предметы с охранительным значением: гвоздь, подкова, нож, книга, красная ткань, рога архара и другие знаки защиты. Однако в диссертации важно не само наличие предмета, а его включённость в определённое действие и в определённую зону дома. Только в таком сочетании предмет получает защитную функцию и становится частью охранительной практики.

Формулы типа *pidīnd and mēx juktow* ‘забить гвоздь на пороге’, *pidīnd and nol juktow* ‘забить подкову на пороге’, *mayit ara tov pidīnd ti firēptow* ‘трупом трижды дотронуться до порога’, *pidīnd and sēr cīdow* ‘класть под порог заговор, письменный или колдовской предмет’, *Ba bismillo as pidīnd naḥtīdow* ‘с именем Бога переступить порог’ показывают, что граница дома может быть как укреплена, так и нарушена. Поэтому порог и входная зона требуют особого контроля: через них в дом входит гость, возвращается свой человек, но через них же может проникнуть опасность, недоброе воздействие или нарушение домашнего благополучия.

Словесные формулы в этой системе имеют не меньшую значимость, чем предметные действия. Они сопровождают переход через границу дома, обращение к сакральной защите, просьбу о благополучии и нейтрализацию возможной угрозы. Поэтому защитная функция дома в шугн.–руш. традиции не сводится к бытовой осторожности. Она оформляется как устойчивая когнитивно–культурная модель, в которой дом постоянно соотносён с идеей охраны, благословения, границы и необходимости поддерживать внутреннее равновесие семейного пространства.

Во второй части главы анализ смещается внутрь традиционного памирского дома и сосредоточивается на тех элементах, которые организуют его внутреннюю иерархию. В этой перспективе особенно значимы *riž* ‘световое отверстие на крыше’, *poygā* ‘основание дома, пол’, наименования пяти столбов, *kicor* ‘очаг’ и *bārnēx* ‘главное возвышение вдоль стены, почётное место у стены’. Эти элементы рассматриваются не как отдельные архитектурные детали, а как смысловые узлы домашнего пространства. Через них в языке и традиционной культуре закрепляются представления о верхе и низе, центре и опоре, открытости и защите, статусе и порядке внутри дома.

Пара *rūz* – *roygā* задаёт вертикальную рамку традиционного жилища. *Rūz* связан с верхней границей дома, светом, воздухом, выходом дыма и регулируемой открытостью внутреннего пространства. Через него дом оказывается связанным с внешним миром, но эта связь не является свободной и неограниченной: верхний проём также нуждается в охранительном контроле, поскольку воспринимается как один из уязвимых участков жилища. Поэтому вокруг *rūz* концентрируются не только бытовые, но и защитные представления. Напротив, *roygā* обозначает нижнюю, опорную часть дома и соотносится с устойчивостью, основанием, распределением мест и социальным порядком внутри жилища. В этой паре верх и низ образуют не простую пространственную противоположность, а два взаимосвязанных уровня домашнего мира.

Система наименований пяти столбов формирует внутреннюю топологию традиционного дома. Каждый столб связан с определённой зоной, функцией и местом в общей структуре жилища. Благодаря этому внутреннее пространство дома предстает не как пустое помещение, а как строго организованная среда, где опоры задают порядок размещения, движения и поведения. Более поздние религиозные соответствия, включая формулу *panj tani-i pok* ‘пять священных’, рассматриваются как вторичный интерпретационный слой, усиливающий культурную маркированность внутренних опор. Это важно подчеркнуть, поскольку первоначальная пространственная и конструктивная роль столбов не исчезает, а дополняется сакральным осмыслением.

Таким образом, элементы *rūz*, *roygā* и пять столбов показывают, что внутреннее пространство традиционного памирского дома имеет собственную ценностную организацию. Верхняя граница, основание и опорная система дома соотносятся с представлениями о защите, устойчивости, порядке и правильном устройстве жизни. Поэтому дом в шугн.–руш. материале предстает не просто как помещение, а как иерархически организованное и символически размеченное пространство.

Лингвоаксиологический анализ очага и главного возвышения вдоль стены позволяет выйти к центральным ценностным локусам внутреннего мира дома. *Kicor* ‘очаг’ в шугн.–руш. традиции связан не только с приготовлением пищи и бытовой жизнью семьи. Он обозначает зону внутренней устойчивости дома, заботы, тепла и повседневного порядка. Показательны формулы *kicor kaxoy joy* ‘очаг – место женщины’ и *mardīnā joy pi kicor nist* ‘место мужчины не у очага’, где пространственная характеристика одновременно выражает социальную норму. Через очаг в языке обозначается не просто часть жилища, а место, вокруг которого организуется внутренняя жизнь семьи и поддерживается её бытовая целостность.

В отличие от *kicor*, лексема *bārnēx* ‘главное возвышение вдоль стены, почётное место у стены’ репрезентирует другой ценностный узел традиционного дома. Если очаг связан с внутренней заботой и домашней устойчивостью, то *bārnēx* выражает статус, почёт, признание и публичную

сторону домашнего пространства. Здесь размещают уважаемых гостей, старших и людей, которым оказывается особое внимание. Поэтому *bārnêx* выступает не просто как часть внутреннего устройства дома, а как место, где видна социальная иерархия, этикет гостеприимства и уважение к человеку.

Формулы приглашения, размещения гостя и определения почётного места показывают, что через *bārnêx* дом открывается вовне как пространство социального представительства. В этой зоне хозяева проявляют отношение к гостю, подтверждают его статус и одновременно показывают собственное понимание порядка, уважения и домашней чести. Поэтому *bārnêx* связан не только с расположением человека в пространстве, но и с его положением в системе социальных отношений.

Таким образом, четвёртая глава завершает исследование переходом от описания структуры концепта ДОМ к интерпретации его ценностного содержания. В ней показано, что в шугн.-руш. материале дом репрезентируется как система взаимосвязанных смыслов границы, защиты, порядка, центра, статуса и благополучия. Порог и дверь оформляют отношения доступа, дистанции, доверия и запрета; обереги, защитные действия и словесные формулы поддерживают дом как охраняемое пространство; *riŋz* 'световое отверстие', *rougā* 'основание дома', пять столбов, *kicor* 'очаг' и *bārnêx* 'главное возвышение вдоль стены' задают внутреннюю аксиологическую карту традиционного жилища.

В этой главе особенно ясно видно, что дом в шугн.-руш. языковой картине мира имеет как внешнюю, так и внутреннюю смысловую организацию. Внешняя граница дома связана с порогом, дверью, входом, допуском и защитой от нежелательного воздействия. Внутреннее пространство, напротив, раскрывается через очаг, основание, верхний проём, столбы и почётное место, то есть через те элементы, которые распределяют роли, закрепляют порядок, выражают уважение и поддерживают устойчивость семейной жизни. Поэтому ДОМ осмысливается не только как место проживания, но и как пространство, где регулируются отношения между своим и чужим, старшим и младшим, хозяином и гостем, внутренним порядком и внешней угрозой.

Тем самым концепт ДОМ в шугн.-руш. языковой картине мира раскрывается не как совокупность частных бытовых значений, а как целостная модель мира, в которой пространственная организация жилища неотделима от норм поведения, социальной иерархии, памяти предков, охранительных представлений и идеи благополучия. Четвёртая глава показывает, что ценностный слой концепта ДОМ закреплён не отвлечённо, а через конкретные языковые единицы, устойчивые выражения, названия частей дома и формулы поведения. Именно это позволяет рассматривать традиционный дом как одну из ключевых форм языкового выражения культурной памяти и социального опыта носителей шугн.-руш. группы языков.

В Заключении подведены основные итоги исследования концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков. Проведённый анализ показал, что

ДОМ в рассматриваемом материале не сводится к обозначению жилища как физического объекта. Он выступает как многоуровневое когнитивно–культурное образование, в котором язык закрепляет представления о «своём» пространстве, родовой принадлежности, внутреннем порядке, хозяйственном укладе, правилах допуска и исключения, а также о ценностных и охранительных основаниях домашнего мира. Тем самым цель диссертации, заключающаяся в когнитивно–лингвокультурологическом осмыслении концепта ДОМ и построении функциональной модели его репрезентации, достигнута.

В ходе исследования установлено, что наиболее продуктивным для анализа шугн.–руш. материала является сочетание семантико–когнитивного, лингвокультурологического, морфологического, коллокационного и фреймового подходов. Такой методологический выбор позволил рассматривать ДОМ одновременно как языковое, когнитивное и культурно значимое явление. В работе показано, что отдельные номинации, устойчивые сочетания, морфологические модели и культурно маркированные элементы традиционного жилища не существуют изолированно, а образуют единую систему смыслов, связанных с семьёй, родом, защитой, памятью, пространственной ориентацией и нормами поведения.

Семантический анализ показал, что поле концепта ДОМ обладает устойчивой иерархией с выраженным ядром, приядерной зоной и многоступенчатой периферией. Ядерную зону образуют базовые номинации *čīd* ‘дом’, *xūnā* ‘дом, жилище’ и *mālā* ‘дом, жилище’, однако их положение внутри поля неодинаково. Центральное место занимает *čīd*, поскольку именно эта лексема охватывает наиболее широкий круг значений и связывает дом не только с постройкой, но и с семьёй, родом, традицией и культурной памятью. Лексемы *xūnā* и *mālā* участвуют в репрезентации домовой сферы, но имеют более ограниченные зоны употребления: первая чаще связана с бытовыми, событийными и функциональными контекстами, вторая – с локативными, переходными и строительными значениями.

На этой основе в диссертации предложена когнитивно–семантическая модель концепта ДОМ, описывающая его внутреннее членение и распределение ключевых смысловых блоков. В модели выделены макрополя *ČĪD–JAMĀT* ‘Дом–Семья’, *ČĪD–MĪZD* ‘Дом–Постройка’, *ČĪD–SUNAT* ‘Дом–Традиции’, *KATA–ČĪD* ‘Дом предков / Малая родина’ и *ČĪD–SARIĤTAKORI* ‘Дом–Хозяйство’. Эти макрополя показывают, что в шугн.–руш. языковой картине мира дом осмысливается не только как место проживания, но и как пространство родовой преемственности, строительства, традиционного порядка, хозяйственной жизни и связи человека с местом происхождения.

Морфологический и коллокационный анализ показал, что концепт ДОМ в шугн.–руш. материале выражается не только отдельными словами, но и устойчивыми способами их соединения. Значительная часть материала организуется вокруг опорных лексем *čīd*, *xūnā* и *mālā* ‘дом’, ‘жилье’, которые образуют разные модели сочетаемости и по-разному распределяют значения

домовой сферы. В этих моделях дом описывается как место проживания, пространство семьи и рода, объект строительства, хозяйственная единица, защищённая внутренняя зона и точка пространственной ориентации. Суффиксальные, композитные, послеложно-клитические и синтаксически оформленные конструкции передают не только предметные значения, но и признаки принадлежности, локализации, функции, действия, оценки, малого размера, вместилища и хозяйственной отнесённости. Поэтому морфологическая организация материала выступает не внешним формальным уровнем, а одним из способов смысловой разметки домашнего мира. Через повторяемость таких моделей видно, какие признаки ДОМа являются для носителей языка устойчивыми и культурно значимыми: граница, центр, принадлежность, защита, внутренний порядок и связь с родом.

Функциональное распределение опорных лексем подтвердило, что *čīd*, *xūnā* и *mālā* не являются простыми взаимозаменяемыми синонимами. *Čīd* чаще участвует в передаче социально–родовых, оценочных и культурно значимых смыслов; *xūnā* тяготеет к событийно–функциональной характеристике пространства; *mālā* в большей степени поддерживает локативные, переходные и строительные модели. Это позволило уточнить не только отношения частичного пересечения между данными единицами, но и их место в общей структуре концепта ДОМ.

Особое значение имеют выводы, связанные с ценностно–нормативным измерением доменной сферы. Анализ показал, что порог, дверь, система обоев, верхняя и нижняя зоны дома, пять столбов, *kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ образуют внутренне связанную аксиологическую систему. Через неё язык фиксирует нормы поведения, правила доступа, формы социальной дистанции, охранительные практики и статусную организацию внутреннего пространства. Порог и дверь оформляют границу между внутренним и внешним, своим и чужим; обоев и защитные формулы поддерживают дом как охраняемое пространство; *riž* ‘световое отверстие на крыше’, *rovgā* ‘основание дома’, столбы, очаг и почётное место задают внутреннюю иерархию традиционного жилища.

Тем самым доказано, что в шугн.–руш. языковой картине мира ДОМ представляет собой не только место проживания, но и культурно организованное пространство памяти, порядка, защиты, благословения и социального признания. Это особенно ясно проявляется в тех элементах традиционного жилища, которые связаны с границей, доступом и внутренней иерархией дома. Порог и дверь обозначают не только вход, но и переход между внешним и внутренним миром, между своим и чужим, между открытостью и запретом. Обоев и защитные формулы поддерживают представление о доме как охраняемом пространстве. Лексемы *riž* ‘световое отверстие на крыше’ и *rovgā* ‘основание дома’, названия столбов, очага и почётного места показывают, что внутренняя структура дома осмысливается как упорядоченная система, где каждая часть имеет не только бытовую, но и ценностную нагрузку. Поэтому пространственная организация дома здесь

неотделима от семейной организации, родовой преемственности, хозяйственной ответственности и представлений о правильном поведении внутри домашнего мира. В этом состоит один из главных результатов исследования: концепт ДОМ раскрывается как форма языкового сохранения этнокультурной памяти народов Западного Памира.

В целом результаты исследования позволяют рассматривать концепт ДОМ как один из опорных фрагментов шугн.-руш. лингвокультуры. Предложенная в диссертации функциональная модель может служить основой для дальнейшего изучения доменной сферы, процессов семантической трансформации, изменения современного узуса и постепенного ослабления отдельных пластов традиционной лексики. Материалы работы могут быть использованы и при описании других культурно значимых концептов в памирских языках, где связь языка, пространства, ценностных представлений и этнокультурной преемственности проявляется особенно отчётливо.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии

1. Некушоева, Ш. С. Концепт ДОМ в шугнано–рушанской группе памирских языков: семантика, структура, культура: Монография. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2026. – 311 с.
2. Некушоева, Ш. С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно–бытовой лексики (на материале шугнано–рушанской группы языков): монография. – Душанбе: Эр–граф, 2019. – 175 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации

I. Работы по теоретико–методологической основе исследования

1. Рахилина, Е. В. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке / Е. В. Рахилина, Ш. С. Некушоева // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16, № 1. – С. 579–608.
2. Рахилина, Е. В. К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ / Е. В. Рахилина, Ш. С. Некушоева, Е. Е. Арманд // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 6. – С. 69–78.

II. Работы по языковой репрезентации и семантико-культурной интерпретации концепта ДОМ

3. Некушоева, Ш. С. Тематическая дистрибуция оберегов у народов Западного Памира (семантико–когнитивный анализ) // Вестник

- университета (Российско–Таджикский (Славянский) университет). – 2022. – № 1 (76). – С. 176–188.
4. Некушоева, Ш. С. Лексико–словообразовательные гнезда с вершиной *čīd* и *xīnā* (на материале памирских языков) // Вестник Бохтарского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 93–110.
 5. Некушоева, Ш. С. Философско–культурные аспекты объективации *rūz* и *rougā* в памирских языках // Известия НАНТ. – 2022. – № 4 (269). – С. 207–213.
 6. Некушоева, Ш. С. Синонимичное поле и экспликатеры концепта ДОМ в шугнано–рушанской группе памирских языков // Вестник университета (Российско–Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – № 4 (82). – С. 185–198.
 7. Некушоева, Ш. С. К вопросу ревитализации лексикона памирских языков (на примере лексики, связанной с традиционным памирским домом) // Словесность. – 2024. – № 3. – С. 91–102.
 8. Некушоева, Ш. С. Лексико–семантическое поле концепта Дом в языковой картине мира // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологические науки. – 2024. – № 8. – С. 128–134.
 9. Некушоева, Ш. С. Лингвоаксиологические аспекты двух лексем в шугнано–рушанской группе памирских языков // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологические науки. – 2024. – № 10 (76). – С. 191–199.
 10. Некушоева, Ш. С. Лингвокультурологический взгляд на лексику традиционного жилища (на примере имен пяти столбов традиционного памирского дома) // Вестник университета (Российско–Таджикский (Славянский) университет). – 2025. – № 2. – С. 130–144.
 11. Некушоева, Ш. С. Макрополе *Kata–Čīd* «Малая Родина» как отражение концепта дом в шугнано–рушанской лингвокультуре // Вестник университета (Российско–Таджикский (Славянский) университет). – 2025. – № 3. – С. 237–251.
 12. Некушоева, Ш. С. Методологические подходы в когнитивной лингвистике и их применение в анализе концепта Дом // Словесность. – 2025. – № 3. – С. 79–91.
 13. Некушоева, Ш. С. Взаимосвязь языка, культуры и концепта: когнитивный анализ на материале памирской лингвокультуры // Вестник университета (Российско–Таджикский (Славянский) университет). – 2026. – № 1. – С. 40–54.
 14. Некушоева, Ш. С. К вопросу структурного анализа концепта ДОМ в шугнано–рушанской группе памирских языков // Словесность. – 2026. – № 2. – С. 66–78.
 15. Некушоева, Ш. С. Профилирование концепта ДОМ в шугнано–рушанских языках: номинации *čīd*, *xīnā* и *mālā* в ситуативных контекстах // Вестник университета (Российско–Таджикский (Славянский) университет). – 2026. – № 2. – С. 71–82.

16. Некушоева, Ш. С. Пространство родства и принадлежности в памирской языковой картине мира: семантико–когнитивный аспект // Вестник Бохтарского государственного университета. – 2026. – № 3 – С. 86–97.
17. Некушоева, Ш. С. Когнитивный сценарий хлебопечения в шугнано–рушанской языковой картине мира // Известия НАНТ. – 2026. – № 3. – С. 140–148.

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК Республики Таджикистан**

18. Некушоева, Ш. С. Корпусные и онлайн–лексикографические методы при когнитивно–лингвистическом исследовании концепта Дом // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2025. – № 3. – С. 14–28.
19. Некушоева, Ш. Семантические репрезентанты понятия Дом в поэтическом мире Хафиза // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2025. – № 4. – С. 80–93.
20. Некушоева, Ш. С. Когнитивно–семантический анализ макрополя *čīd–jamāt* «дом – семья» в языках шугнано–рушанской группы // Вестник университета языков. – 2025. – № 4 (60). – С. 111–122.
21. Некушоева, Ш. С. Вербальная репрезентация двери в шугнано–рушанских языках: модели закрытости, доступа и социальной дистанции // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2026. – № 2. – С. 7–17.

Научные статьи и материалы конференций

22. Некушоева Ш.С. Репрезентация концепта дом (*čīd*) в свете обрядовых традиций (на материале шугнанского языка) // Сборник статей Международной научно–практической конференции «Русский и иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания в вузах Таджикистана». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, национальный исследовательский университет «МЭИ», филиал в г. Душанбе (Республика Таджикистан), 22 января 2020 года, – С. 220–237.
23. Некушоева Ш.С. Концепт ДОМ в шугнанской языковой картине мира // Отдел культурного наследия и гуманитарных наук Высшей Школы развития Университета Центральной Азии. Научный доклад №7, 2020, – 38 с. Доступно на английском и русском языках на сайте <https://ucentralasia.org/Research/ResearchPapers>.
24. Некушоева Ш.С. Порог (*pidīnd*) как средство идентификации пространства (на материале шугнано–рушанской группе памирских языков) // Сборник статей Международной научно–практической конференции «Русский и иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания в вузах Таджикистана». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего

образования, национальный исследовательский университет «МЭИ», филиал в г. Душанбе (Республика Таджикистан), 11–12 февраля 2021 года, – С. 269–281.

25. Некушоева Ш.С. Вербальная репрезентация *порога* в шугнано–рушанской группе памирских языков // Актуальные направления фундаментальных и прикладных направлений (Topical areas of fundamental and applied research XXV), Publisher: Lulu Press, Inc. 627 Davis Drive, Suite 300, Morrisville, NC, USA 27560. 2021, – С. 115–131.
26. Некушоева Ш.С. Некоторые лингвокультурные особенности двух лексем в памирских языках // Вопросы гуманитарных наук, №2, – Душанбе: Сифат–Офсет. 2022. – С. 15–24.
27. Некушоева Ш.С. О дефинициях двух понятий в словарных статьях (язык и культура) // Вопросы гуманитарных наук, №1, – Душанбе, Сифат–Офсет. 2024. – С. 34–41.
28. Некушоева Ш.С. Ещё раз к вопросу философско–культурных аспектов двух лексем в памирских языках (*poʻugā* и *riʒ*) // Сборник статей Молодежной политики Республики Таджикистан: язык, культура, общество. Материалы Республиканской научно–практической конференции (Душанбе, РТСУ, 23 мая 2024 г.) Санкт–Петербург, Издательский дом «Сциентиа» 2024 г., – С. 104–113.
29. Некушоева Ш. С. Лингвистическая репрезентация динамики домового пространства в наврузных практиках // Сборник статей республиканской конференции, посвящённой празднику Навруз «Навруз: традиция, ценность и самосознание». – Душанбе: ООО «Престиж–Сервис», 2026. – С. 214–223.

Подписано в печать «___» _____ 2026 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. _____. Тираж 100 экз. Заказ № _____.

Отпечатано в типографии _____
Адрес: _____